

Скажи, что наш путь ещё Богу угоден...

Е. Курдаков

ОТЪЕЗД

Еду из Восточного Казахстана автобусом в Кузбасс – семья сына попросила помощи. Снохе сделали операцию. Всё уже позади, но необходимо присмотр за внуками – маленькие. Живут далеко от бабушек и дедушек.

На моём пятом месте, у окна, уже уютненько угнездилась бабуся лет восьмидесяти. Помаргивая выцветшими добрыми глазами, объяснила виновато:

– Вы не против, что я... тут? Плохо автобус переносу. Тошни-и-ит... И циннаризин приготовила, и кислые яблоки... Да не всегда помогают – качиват, если дорогу-то не вижу...

– Да, пожалуйста. Без проблем! – реагирую, как принято у молодёжи.

Мне в самом деле безразлично, где расположиться. А уступать старшим сам Бог велел. Подремлю, дорогу скоротаю, а нет – так посмотрюсь, новым напитуюсь. Сумку – под сиденье, устраиваюсь поудобнее.

– Как вас звать-величать? – спрашивает спутница.

Я ответила.

– А меня – Ульяна, – проговаривает с достоинством.

На часах – одиннадцать тридцать. Автобус выезжает с автостанции Усть-Каменогорска на проспект Абая.

Начинается ненавязчивый разговор с дорогой о сегодняшнем дне. Только слушай!

Позади Ульяновский мост, Дворец спорта – один из культурных центров крупного промышленного города... Двигаясь «голова в голову» со стареньким трамваем, расписанным рекламами, проскакиваем слева никак не переименованную улицу революционера Михаэлиса, справа – современный респектабельный больничный комплекс. Едем по узкой, затенённой старыми тополями улице Бажова и вливаемся в обдающий выхлопными газами поток машин на проспекте Независимости – бывшей улице Ленина.

ПОПУТЧИКИ

Бегло осматриваю пассажиров.

Соседка Ульяна – сухонькая, маленькая, а руки крупные, с утолщёнными в суставах пальцами – потрудились. На ней чёрная юбка, кофточка бледно-голубого цвета, облегающая плоскую грудь. Седые ровно и коротко подстриженные волосы прижаты широким пластмассовым ободком. Тёмное морщинистое лицо.

Смышлёный, даже хитренький взгляд уже не прячется за показной слабостью и добротой – место заняла, своего добилась. Она поправляет на узких плечиках лёгкий коричневый платочек с каймой. Демонстративно вынимает из кармашка таблетки, запивает водичкой из бутылочки.

Впереди нас две светловолосые девчушки лет по шести, занятые электронными играми, шуршат конфетными обёртками. Их спортивные мамы где-то в глубине салона. Все они возвращаются из поездки к родственникам. Такие у разделённых государств связи.

Два паренька – слева, через проход, судя по обрывкам разговора, студенты колледжа, направляются вместе с группой сверстников и руководителем в Новокузнецк, на фестиваль казахских молодёжных ансамблей. Воткнув наушники, они проявляют равнодушие к окружению и друг к другу. «Новый человек? А зачем он мне? Что-нибудь узнать? Хватит и того, что уже знаю» – говорят их лица.

Электроника вместо живой беседы.

Юношу, видом почти подростка, они ещё во время посадки «выжили» с места, чтобы оказаться рядом. Для чего? А тот... аморфный... легко уступил. «Аутсайдер или такой современный маргинал?» – прикидываю в уме. Остальные из их компании, два паренька и две девушки, устраиваются с руководителем на последних рядах.

Впереди студентов шепчется молодая пара, русский и казашка. Он – светло-русый, сероглазый, выше среднего роста. Она – невысокая, тёмная, недавняя старшечка. У неё тревожно-доверчивые небольшие глаза на беленьком личике, коротенькие бровки, как нарисованные губы... Её просторное синее платье под расстёгнутой ветровкой да обозначившийся круглый животик заставляют сообразить: будут счастливые хлопоты. Может, переезжают в Россию или же – к родителям – навестить.

Окружающие опускают глаза – настолько медовы взаимные взгляды этих двух. Трудно смотреть на чужое счастье – спит. Разговаривая, они часто называют друг друга по именам – Влад и Айя.

Он, устраивая её, несколько раз спрашивал: – Так хорошо?

– Всё в порядке. Нам хорошо! – она ласково кивала.

Снова и снова он окидывает подругу заботливым взглядом.

Над головами счастливой пары покачивается обтянутый потёртым дерматином тубус, с особой аккуратностью уложенный Владом на полку.

Общее внимание привлекает молодой бабushка позади студентов.

По молодости лет у него нет бороды, да и одет – в обычный современный костюм, но под пиджаком – довольно большой медный крест, а на голове – скуфья, из-под которой сзади торчит перетянутый резинкой хвостик. Его лицо отличается спокойным выражением добрых карих глаз. Наверное, в приходе будут любить... На коленях – чёрный кейс и куртка. Возможно, недавно окончил духовную семинарию... Едет налегке... Он сразу достаёт из кармана чётки и перебирает их. Молится... Слева от него, у окна – худенькая молодая блондинка лет сорока пяти с книжкой в руках.

За лобовым стеклом стелется серая дорога. Одни бросают на неё мимолётные взгляды, другие глазят без отрыва, как на огонь или воду. По её правилам будет дальше строиться наш общий отрезок жизни...

ПУТЬ ДО ГРАНИЦЫ

Старый, но удобный туристический автобус усердно выполняет свою работу без вздохов и хрипов. Над дверями, на кожухе число 49 (количество мест) и слово не по-русски. Автобус куплен за границей. А вот строгое объявление – уже на родном языке: «Не курить, не сорить, (и главное!) не материться!»

Наш маршрут – через Шемонаиху. До неё полтора километра, а ехать часа два с половиной. Оттуда рукой подать до таможенных постов.

Выбираясь из города, впечатляемся рекламами, вывесками, билбордами на трёх языках.

Усть-Каменогорск давно занесён в списки городов глобального загрязнения. Цинк, свинец, бериллий, медь – всё это он выдаёт в международных масштабах. Выбросы отходов видны невооружённым глазом и ощутимы на вкус. Город любят и вместе с ним страдают индусы.

Холмы. А на них – камень да песок проглядывает сквозь седой покров редкой полыни. Цветущий и щедрый Восточный Казахстан позади.

Пейзаж для границы – в самый раз.

Преодолеваем две таможни – казахстанскую и российскую. Общаются на обеих с нами – по-русски. На каждой теряем по часу.

Хорошо помогают своими подсказками расторопные шофёры-тёзки. Старший Николай – коренастый, крепкий, уверенный. И молодой Коля – лет двадцати пяти, ответственный и потому сосредоточенно-серьёзный.

На российской стороне к обычному досмотру добавлен наркоконтроль с собакой. Ведём себя тихо, вопросов не задаём – по совету Николая.

Тот остряк, что шутил насчёт качества дорог, выказывает в конце обхода резкое недоверие:

– И что – эта дворняжка может что-то найти? Не смешите меня!

Некоторые смотрят на него с ненавистью. Знают, чем грозят такие укольчики, – продержат сейчас из-за него всю группу несколько часов!

«Дворняжка» молчит, только сидит и чешет задней лапой за ухом, а глядит будто с юмором (мол, ты не первый, Фома-неверный).

Таможенник хмурится:

– Ладно. Потеряем десять минут... Пойдём, покажем.

Остряк уходит с ними, а возвращается удовлетворённый:

– Мне! Самому! Дали спрятать! Куда хочешь, говорят. В четыре пакета завернул. Ведь нашла, кабыздошина! Можно ей мяска дать?

– Мне дай, – хмуро сказал проводник, – нельзя, чтобы чужим пахло.

– Вот и хорошо, что такой контроль. Век бы её, дури этой, не знать, – говорит моя соседка, ожидая разрешения на посадку.

– Э! Не надо так – наотрез! Дури, да, можно и не знать. А вот конопля, из которой её производят, нужна! – наступает активный гражданин. – Вот глядите: верёвки из природного материала нужны? А дешёвая брезентуха? Если лён взять, то он условий требует. А конопля сама растёт. Даже и сеять не надо! Живучая... Худа без добра не бывает, и наоборот. И ткань, и дурь она даёт. Вытравят в одном месте, а она кочует, глядишь – в другом выросла. Вы слышали песенку:

стриальными болезнями все триста тысяч жителей, национальный состав которых мимикрирует: уезжают немцы, татары, чеченцы, но больше всего – русские. Покидая его, возвращаются сюда сердцем. Хороший, добрый старый город, почти родственник.

На выезде нас властно притягивает к себе осень.

Начало октября. Зелени уже почти не осталось. Зато какое буйство красок последней листвы! Больше всего жёлтого. Осень как будто доказывает, что этот цвет теперь главный, что он лучший.

Мелькают вырвавшиеся на простор солнечные клёны, развесистые ивы. Багровеют черёмухи, редкие рябины демонстрируют спелые гроздья-фейерверки, брызги застывших искр. Закроешь глаза – а они не исчезают.

На ближних косогорах, как девчонки, глядящие в синеву неба, стоят тонкие берёзы на серометённых коврах опавших листьев. Есть и осанистые толстоствольные боярыни – постарше.

А вблизи дороги осень выглядит совсем неярливо: засохшая, перепутанная дождями и ветром трава, среди которой иногда торчат стойкие стебли цикория, потемневшие, лишённые своих синих цветков.

Узкая двухполоска, по которой мы движемся, не единожды пережила ямочный ремонт.

– Пристегните ремни и втяните животы – от заворота кишок! О душе не беспокойтесь – вытрясет. Щас будет тренажёр для космонавтов, – неожиданно гаркнул мужской голос.

Некоторые оглянулись на шутника пренебрежительно.

Оказалось, это мужчина средних лет в небрежно надетой серой шляпе, из-под которой торчит густая шевелюра, и сидит он прямо за мной.

Но кончится же плохая дорога, и под колёса ляжет, хоть и не сразу от границы, ровная российская трасса.

В Шемонаихе пассажиры начинают отзваниваться – боятся, что скоро сотовая связь прервётся. Моя соседка перочинным ножом отрезает от яблока кусочек, отправляет в рот и покусывает.

Над кабиной шофёра загорается монитор... Начинается фильм про бандитов. Смотрю, не включая мозгов. Втянешься – не оторвёшься! Лучше смотреть в окно!

«В тёмном лесе распаху я пашенку, я посею лён-конопель». В детском хоре я её когда-то пел...

Он пытается изобразить, притопывая ногой.

– Самая наркоманская песня. Только тогда до нас из-за границы мода не дошла, что коноплю ещё и курить можно. А что от конопли дурь пошла – так это из-за «бабла». Деньги портят человека. Каждому хочется их побольше иметь. И, что интересно, это ведь... чистая правда, а при этом всё в сегодняшней жизни враньём поросло! – заканчивает мужчина повысив голос.

– Такие времена наступили, – откликается Ульяна.

– Ну да... «Иуда, зачем Христа продал?» – «Я не виноват, время такое было», – ёрничает спорщик. А времени-то всё равно. Никакое оно, поток бесконечный... Пробовали идеологией обуздать. Куда там – не получилось!

– Враньё – хуже атомной бомбы! От него беды не оберёшься! – небрежно роняет Ульяна

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

И вот таможни позади. Пассажиры становятся разговорчивей. Моя спутница начинает рассказ:

– А знаете, я ведь с дурью этой ещё после Отечественной столкну-улась. Неправду он балакает: «Не было её», давненько у нас она дураками пользуется. Расскажу-у. Дорога неблизкая. А мне говорить, так о тошноте забыть – одна польза. Почти всю жизнь обиталась в Казахстане. И вот еду в Новокузнецк – так судьба куролесит. Там у меня сын со снохой да внучок восьми годков.

Необструганная речь сразу забирает внимание.

– Позвал сын – вот и отправилась. Всё распродала, как велено. Деньги перевела ему. Плакала. А как же? Поздно мне жизнь-то менять. Самое время камни собирать, как в Святом Писании сказано. Ох, камни – тяжесть неподручная! – кивает. – Вон лежат.

Я смотрю на каменные изваяния за окном. Такие не поворочаешь!

– Рази Господу их двигать в самый раз, – размышляет Ульяна и сама отвечает: – Да... это скорее Ему положено. Идёт жизнь, идёт... Раз – преграда... Вот они Божии камни и есть. Не всем

их распознавать даётся. Дурь-то, поди, тоже к камням относится... А смолоду, особенно, не увидишь их.

Я вспоминаю притчу о том, как в одном городе (наверное, в Иерусалиме) жили люди. Многие бегали по своим делам мимо храма, не заходя в него. И вот, чтобы напомнить им о спасении души, Бог бросил рядом с храмом камень. Это и был камень преткновения. Бежит такой деловой человек, не помышляя о душе и о Боге, тут – бац – запнулся и оказался в дверях храма.

Так же можно вдруг оказаться перед распахнутой человеческой душой. Главное – не пропустить это мгновение.

СНЫ И ЖИЗНЬ

Дорожный разговор не сразу завязывается и не ровен бывает – то застрянет, а то быстро-быстро побежит вперёд, вернётся и опять вырвет на главный маршрут. Будто кто-то перебирает чётки: сначала по порядку, да вдруг собьётся, ухватится за предыдущее, соберётся с мыслями, броском продвинется. Упираюсь взглядом в багетку. Он сосредоточен – не собьётся!

– Что камней на моём пути будет много, меня судьба предупреди-и-ла, – привлекает внимание приглушённый голосок спутницы.

– Как же она это сделала?

– А вот как. В четырнадцать лет, как раз перед Великой Отечественной, видела я сон. Будто иду по знакомой пустой, дли-и-инной алтайской дороге. Сушь, зной. Конца краю нет! Иду я, и вроде такая усталая: остановись – дальше шагу не сделаю.

Сажусь и начинаю рыть, – с долей вернувшегося к ней самой из прошлого удивления продолжает Ульяна. – Рою-рою – и прямо из пыли достаю деревянные кресты, большие, маленькие, всякие... И на левую руку складываю, как поленья. Ага! А когда все кресты собрала, встала и пошла. Наблюдаю сама себя сзади, как иду в своём старом ситцевом платьишке, не обёртываюсь... тихонько... всё вперёд и вперёд... А куда? К невидимой какой-нибудь каменной горе? Вот только не сосчитала я, сколько их, крестов, было. Поди, не меньше, чем у мамки, которая и сирота-а, и вдова-а, и многодетная мать, с детства не бережённая, не ласканная, жалостью не балованная, от тяжёлых трудов не отдохавшая.

Не простой был сон. Мамка сказывала, что как перебралась её семья из-под Курска на Алтай, так и пошли у всех вещие сны – ей в том и сёстры признавались.

Слушая Ульяну, отмечаю: мои-то сны в Казахстане тоже алтайские. И родилась на Алтае, и еду, как и она, в Кузбасс, где всё тот же Алатау, то есть милый Алтай.

Перед поездкой снится: ищу в лабиринте ребёнка. Просыпаюсь!

Муж стоит у окна, открыв форточку, – захотелось подышать. А в моих руках – ощущение тяжести.

Решив, что кто-то из детей заболел, высказала опасение. Отозвался грубовато:

– Ага! И сон, и сглаз, и... кашпировщина всякая... Взрослая, образованная женщина, а в урунду веришь!

Меня с моим идеализмом однажды угораздило не угодить близким людям, решили проверить на честность.

Действовала терпеливо. Выкрутилась. Но преподали урок. Раненое самолюбие и униженная гордость успокоиться не давали. Как мне теперь относиться к обидчикам?

Тогда и поразил меня первый «вещий» сон: будто в каждый палец левой руки впилось по скорпиону. Загибают хитиновые хвосты, трясут ими, как погремушками. Интересные такие скорпионы – помесь с гремучими змеями. Не хвостами жалят, а зубами вгрызаются в живую плоть, и в пальцах норы-дыры оставляют! Больно! Но на руках у меня почему-то чёрные перчатки.

Отрываю я этих тварей, вытаскиваю и бросаю на ярко-зелёный куст.

Избавилась от последнего – проснулась и... пожалела: зачем я их именно на зелёный куст бросила. В огонь надо было! Или – в банку какую-нибудь...

Одна женщина из доморощенных экстрасенсов расшифровала сновидение: «Скорпионы – враги. Рука – левая? Ага! В самое сердце целились! Их много, и они – близкие тебе! Но – перчатки! Достоинство защищено. К сердцу больше не допустишь. А так – живите, мол, дальше. Вот тебе и зелёный куст».

Так-то оно так. Только не умею я простить до конца, а признаваться в подобной слабости стыжусь и боюсь – Бог накажет, люди попользуются. Однако и последний сон в руку! Бывает же!

Одновременно с воспоминанием сидит во мне любопытство, что за фортели выделывала Ульянина судьба и как это совмещается с её сном и заодно с «дурью»?

– Где же это вы столкнулись с наркоманией-то, с дурью этой? – направляю её в нужное русло.

– Не торопись. Доберусь и до дури, – начинает сварливо. – Ох, скорая я была житьё-бытьё менять. Да всё по камням, да всё со крестами! Нам ведь чем хуже, тем лучше! На Бога да время спираем, а вольно дорогу себе выбираем. А теперь и вовсе – дремократия ж или дермократия – фу, запутался язык совсем! Короче: всякой всячине – просто-ору! Объявлено: куда хошь – туда повернёшь, по дороге ненаезженной. И это трёп тоже! Ты рулишь туда, где лучше, а всё не там оказываешься.

Наш слух настагает лёгкий шепоток. Аяя грузит Влада: мол, она-то куда и зачем едет, а вдруг Россия с Казахстаном рассорятся.

– Не выдумывай, глупенькая! Главное – у нас нерушимый союз, Айча! Ты что? – отзывается он.

Пусть такие связи не рвутся!

БОГ СПАС

– Я-то на белый свет каково предъявилась! Через пень коло-оду! Против воли родственников! До рождения мурцовки нахлебалась!

«Не рожа-ай, Дуся, не рожа-ай!» – говорили матери.

Только-только она жить замужем начала. Недостатки, нехватки! А муж возьми и заболей. Вроде и надёжи не было. А тут – дитя. Нашлись греху научители. Прости Господи! Изобрели адскую смесь, чтобы вытравить-то. Спирт или водка и хозяйственное мыло смешивались. Струмент – резиновая груша. Как этот способ до Ситников дошёл? Как спирт доставали, если кругом брагу пили? Не угадашь!.. И гибли бабёнки. А всё потому, что церкви разорили, попов выгнали, перво безбожно поколение выросло. Приготовила мамка смесь-то, пошла завершить дело в банёшку на огороде. Подняла грушу, нажала – и пахло ей таким поганым запахом, что отвратило от последнего шага. Вышла из банёшки, закинула струмент в цветущую картошку. Вот я и родилась. «Бог спас, отвёл от греха», – говорила маманя. Не оттого ли так часто целовала жалеючи?

И Витьку, братишку, Бог спас... В чистом поле родился. Вернее – по дороге на сенокос. Мамка шла к отцу с тусеском еды, будучи на сносях. Тут её и прихватило. А мимо ехали на телеге старик со старухой. Старуха увидела, что женщина у ручья под берёзкой мается, велела деду остановиться и помогла. Пуповину перегрызла – нечем было резать, и пылью дорожной присыпала. Алтайской пылью. В исподней материнной рубахе и приехал Витька домой. И ничего... Душой вот только к земле прирощенным и прожил! Расскажи кому час-то такое, не поверят...

ОБ ОТЦЕ И МАТУШКЕ

Шагаю по чужой жизни, будто по дороге – раз пригласили.

Отец Ульяны был казак, участник Первой мировой войны. В последнем бою, то ли в Австрии, то ли в Пруссии, попал с полком своим под арт-обстрел – чудом жив остался. Уверял, что спас его Николы Угодника образок да щепоть земли в тряпице из-под стены того храма, где молился.

Я задумалась: «А щепоть земли-то здесь при чём?» Мысль мелькнула и пропала, как побочная просёлочная дорога за поворотом.

У отца не было левой лопатки, осколки наспиговали лёгкие и снарядом оторвало пятку. Он прихрамывал, сутулился и поэтому казался ниже своего роста при ходьбе и в работе. Зато когда сидел за столом рядом с молодой женой, приободрялся, держался – на большой палец! Тут Ульяна с гордецей показала закрепившийся с детства жест. Отец же одобрял и словами: «То люблю мне!»

Четырнадцать лет матушка за ним замужем была, делится попутчица. Часто повторяла детям, что любит их, а вот про мужа – сначала редко, а «после времени» всё чаще. Будто он всё рядом с ней был – «главное из памяти не уходит».

«У Дуси мужик – лодырь лодырем», – осуждали некоторые родственники. А позже покаялись в неправоте. Нет обиднее для крестьян на Алтае обвинения, чем в лени. По-разному жили тогда, а работу ценили. Говаривали: «пока руки гнутя, я живу», а ещё и так: «работу работать не из чашки лопать». Конечно, лодыри и тогда водились, хотя и презирали их.

В поле, на сенокосе, чуть притомится отец и идёт отдохнуть.

«Мне такого муженька духом не на-адо-ть! Не разбежится, не надсодует!» – частенько трёкала родная отцова тётка.

– А как умер отец, поняли, что просто здоровьем-то слабый был. Кто болен, тот в трудах неволен. Умер, народив четверых детей. Я – старшая, Виктор на два с половиной года младше меня, потом – Мария, и... поскрёбушек – Ванюшка, которого мамка особенно жалела, – вздыхает Ульяна. – Не усмотрела в детстве, упал он с печки, и образовался у него горб. Таких и остался.

Узнаю из рассказа, что выдал Дусю «неудачно» замуж брат её матери, дядька Трофим Шевченко – не было другого выхода для неё и двух старших сестёр. Он на время взял на себя попечение над ними после смерти родителей. В семье Трофим был, как бы сейчас сказали, самый крутой – с самим Лениным делами заворачивал в революцию. В музее, что на Красной площади в Москве стоит (теперь, может, и не стоит уже), о нём при Советах кое-что было.

– Неизвестно, будут ли хранить что о революции – другое отношение к ней... – произносит в раздумье Ульяна, – И чё только история с народом не выкамаривает! Вот так живёшь, живёшь и помрёшь не понявши. А как вы думаете?

От неожиданного обращения пожимаю плечами.

– Семья наша была бедная, раз отец инвалид, – продолжает попутчица. – «Такого жалеть, а не любить», – говорил сам дядька. Но это не окончательная правда, – убеждённо спорит Ульяна с жизнью. – Мамка моя добрая была, и отец негрубый. Он звал её «Дусенька моя» и очень хорошо управлял ею. Здравомысленно с ней беседовал. Старше намного был – вот и поучал. Сама нам рассказывала. Посодит её, бывало, насупотив себя и гуторит: «Ты, Дусенька моя, с ног-то не сбивайся, не расшибайся – всего не охватишь, всех делов не переделаешь. У вас, баб, и так жизни нету – одной работой живёте. Дети, дом, а тут вот колхозное строительство. Мы, мужики, политику не шибко поняли в семнадцатом-то году, у вас на всю семью один Трофимка дорос. А вы, бабы, в куту, около печки, мира не выдавши, вовсе слепые». – «Как это слепые, Вань?» – «Душой баба живёт, детьми. Счастливая, что замуж выходит, а потом – как белка в колесе. Мужик – в крепости – вы и того

хуже. Ваши-то самые главные во всём мировом устройстве. И никто вас из них не вызовет – ни Бог, ни революция, ни власть. Хорошо, коли муж человеком будет, а то пропадёт вот такая ягодка, как ты: жила не жила, была не была – потомство оставила, вот и всё».

«А зачем ты мне это говоришь? Кто работает, тот живёт», – отвечала она с алтайским гонором. – «А чтобы зрячая была, без толку не гоношилась. Про работу да жизнь ты правду сказала». – «А попадья, а учительница в школе тоже так живут?» – «Тоже. Выше бери. И царица сама так-то живала. Мужик – тягловая сила, а баба – станова. Ты в глаза людям заглядывай – всё по глазам прочитаешь, голубушка моя доверчивая. А я тебя не обижу. Много в жизни повидал – есть в тебе доброе зёрнышко». – «Какое, Вань?» – «То и любо мне – душа милосердная, из которой и доля твоя женская вырастет, дорогая Дусенька моя!» – «Чё ж она, из души, что ли, растёт? Вон у нас тятя с матушкой померли... Это как?» – «Это обстоятельство... Всё перемелет душа. А земля родная – что надо подаст!»

ЗМЕИНОГОРСК. БОГАТСТВА АЛТАЯ

С начала тысячекилометрового пути прошло несколько часов. Позади – его пятая часть. За окнами лениво меняются окрестности Змеиногорска, старинного и громадного по давним меркам, а сегодня – районного уровня города. Пробираемся по пыльной просёлочной дороге – до хороших всё ещё не доехали. Но Ульяна неплохо переносит даже такую езду. Разговор и впрямь помогает!

– Здесь, в городе, есть музей истории горного дела Акинфия Демидова, – раздаётся голос активного пассажира, привлечённого последней фразой моей соседки.

Мы поворачиваемся к нему.

– Побывал тут. Эх, и любят змеиногорцы рассказывать о богатствах Алтая! О демидовских «грехах» всю правду узнал. Например, о башне, где серебряные монеты выплавляли тайно, а при проверке пускали туда воду и затапливали вместе с работающими. Жуткая легенда! А ещё об игре Акинфия с царицей Анной Иоанновной на деньги. Он тогда будто расплатился незаконно изготовленными монетами. На самом деле серебро отделять у нас ещё не умели, пока не выписали заграничных мастеров.

Есть что рассказать! А земля эта и впрямь подаёт неохотное. Кладовая полезных ископаемых! Чего только нет! Подержал я в руках пирит, мрамор, кварцы, агаты... Демидовские рудознатцы разведали многое. Полиметаллы, например, – и в Змеиногорске, и в Бухтарминском крае. Оскудел рудник-то казахстанский, что Герасим Зырянов открыл, а давал... и свинец, и цинк, и серебро, и золото... двести лет.

И ещё полна алтайская коробушка! Я знаю! На казахстанской стороне, например, есть ванадиевая гора! Слыхали? Инвесторов нет, а то бы озолотились! А под городом Бийском – богатейшая свинцовая жила! Разрабатывать невозможно – город же!

Многие места на Алтае старообрядцы осваивали. Интересный народ, работающий! Среди них я долго жил, всю молодость в геологоразведке провёл. Горки-то исходил: Росомаху, Ревнюху, Щербнюху, Катонскую гряду, Тарбагатай. Места заповедные, реки многочисленные. Одна сумасшедшая Бухтарма чего стоит! А Катунь! Эх, был я там беспечен и многожды влюблён! – залихватски сдвигая шляпу, заявляет пассажир. – Полдуши там осталось!

– А другие полдуши где? – спрашиваю.

– С собой таскаю... по Алтаю! Вот чувствую, что во мне и Вася Шукшин, и Валера Золотухин, и Миша Евдокимов сидят.

– Хорошие люди! – отзывается Ульяна. – Чем-то моего брата Витьку напоминают, когда вижу. А все – разные!

– Душой и напоминают. Я и узбека с такой душой встречал. На Шукшинских чтениях случайно в Сростках оказался. Смотрю – днём узбек шашлыки стоит жарит, плов готовит, а к вечеру всех к себе позвал, не разбирая, свой или чужой, напоил – накормил человек сто без денег! По-алтайски посидели! По-другому, говорит, здесь нельзя – Шукшина же Родина!

Всё сказанное мне и близко, и понятно, и то, что полдуши там осталось, верю!

Ульяна интересуется, как зовут собеседника.

– Геннадий.

– А по батюшке?

– Семёнович. А зачем? Не старый ещё.

– А чтобы чаще поминать отчее имя для благоденствия ему, твоему отцу, на том свете.

Убедила. А мне-то ведь не назвала своё отчество. Хитрит. Чтобы к себе человека развер-

нуть, сразу ему важную роль отводит, а себе – поскромнее.

– Вы, Геннадий Семёнович, наверное, немало легенд знаете об Алтае? – пользуюсь тактикой Ульяны.

– Да их тысячи! – радуется он, – Вот одна, удивительная, о причинах его богатства. Рассказывают: после сотворения стал Бог украшать землю лесами, озёрами, реками, горами, всякой травной растительностью, потом расселил животных, распределил каждого на своё место, в свои природные зоны. Но осталось у него ещё много неиспользованного материала. Взял он – и всё это бросил себе под ноги. Так возник Алтай – место, где Бог во время сотворения стоял! И нетающие снега лежат на его Белках, и лысые каменные горы поднимаются, и тайга простирается, и степи, и прекрасные речные долины, в которых произрастают редчайшие на всём белом свете растения, и марсианского вида ландшафты – всё, всё есть в этой прекрасной стране. Совершив дело, наверное, подумал Господь, как после сотворения мира: «Это хорошо весьма!». А теперь и люди, поколение за поколением повторяют: «Алтай – Божий подарок, богатство и красота неопишущая!» Вот и наполняются счастьем и любовью места, где мы живём, – заканчивает Геннадий Семёнович торжественно.

ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ АЛТАЙ

С восемнадцатого века от Бийска до Усть-Каменогорска строились крепости и служили в них солдаты да казаки, потомки которых и теперь рассеяны по всему Алтаю. Нет-нет да и встретится отпрыск казачьего рода. Вот и спутница – дочь казака, и группа молодёжная – на фестиваль аж в Новокузнецк направляющаяся – тоже... в теме.

Алтай любят душой и глазами – не насмотреться ведь!

За городом, в сторону Казахстана, тянутся красивейшие хребты Холзуна и высится легендарная Белуха – сердце Алтая. К ней устремляются тысячи людей.

Древний Алтай, будто отец, обнимает раскинутыми руками пять стран: Монголию, Китай, Россию, Казахстан, Киргизию. Буддисты уверены, что именно в этих местах расположена божественная страна Тарбагатай. Русские крестья-

не притягивались сюда последние триста лет с легендой – мечтой в сердцах о счастливым Беловодье, где люди независимы и свободны. Казахи мечтают о Жер Уюк – своей древней прародине. Из Тибета долетел на Алтай миф о Шамбале – месте силы. Стоит он века и века, заслуженно неся своё изысканное имя – «золотая гора» или «золотые горы». И может быть, осознаёт своё важное место в нашей жизни.

Геннадий Семёнович, будто подслушав мои мысли, спрашивает:

– Знаете, как «Алтай» переводится?

Я киваю. А он уже напевает (и впрямь алтайская в нём душа!): «Когда б имел златые горы и реки полные вина...»

Ульяна поддаётся чувству, тоненько подтягивает: «Всё отдал бы за ласки, взоры, лишь ты...»

– Люблю эту песню. Молодёжь-то и не знает таких, – говорит она

– Знаем. Мы ещё не то знаем! – возражает крайний из пареньков-соседей, нечаянно выдержувший наушники и всё слышавший.

– Да ну? – возражает он с показным недоверием.

– Подождите, остановимся в Алейске, споём!

– А мы послушаем!

12

ДЕТСТВО В СИТНИКАХ

Автобус миновал по окраинам Змеиногорск и движется среди убранных и частично вспаханных полей. Небо украшено вереницами облаков, а у горизонта – пятнами тучек. «Душа молится, к земле клонится – так и небо» – эти слова я услышала от Ульяны. Ведёт, ведёт свой рассказ – и вдруг скажется у неё и кратко, и ёмко, будто перед тобой философ-самородок.

– Небо молится? Пожалуй, земля молиться должна! – возражаю я.

Но Ульяну не собьёшь:

– Земля да небо друг для друга существуют. Она, матушка, и в рождении, и в смерти с нами. Ей поклоняться надо! Мы ещё детьми поняли, что от земли кормимся – когда в алтайской деревне Ситники жили, – продолжает Ульяна. – Я ранёхонько, по годам-то, помощницей в огороде была. Как-то тятя опять долго лечился, лежал в больнице, сначала в Бaeво, потом в Барнауле. А мамку заслали осенью с колхозным обозом в Камень-на-Оби, то ли на базар, то ли сдавать государству что-то.

А было вот как.

Утром председатель в избу заходит. «Здорово ночевали! – говорит. – Ехать надо, Евдокия. С обозом тебя посылаю. Молодая, управисся. Мужики тут нужны. Работы полон рот. Осень. Придётся и вас, бабёнок, потревожить». – «Ты глянь на моих. Трое». – «Да слышу, гимзят на палатках. Матрёне поручим. Поможет».

Вот навалилось. Что делать? Выбора у мамки... никакого – вся опора на себя. Мне... всего ничего – шесть лет, Виктору – четыре, Маше – два, Ванюшка ещё не рождён был. Соседку Матрёну попросила мама посмотреть за нами и уехала. Та нам хлеб стряпала, молочка наливала, в свою баньку мыться звала. Осталась я хозяйшкочкой на подворье. Живности у нас, кроме курей, не было. Не мог тятя уже на сенокосе справиться.

Пока мамка вернулась, чуть не через месяц, белы мухи полетели. Была ночь – ни огорода, ни усадьбы не видать. Ступила в избу и поняла, что, слава Богу, натоплено. Сама сколько раз рассказывала, что ехала с думой: огород не убран, дети завшивели, сидят в холоде, голодают. А когда в дверь вошла – успокоилась, мы под руки, как цыплята под крылышки, лезем. Она нас обнима-ат.

«Ну, как дела? Снедали сегодня чи ни (или нет)?» – спрашивает нас перво-наперво.

Я хлопотать давай, кормить её. Картошку (мама называла её картоплей) на стол ставлю, лепёшками угощаю.

«Откуда, дитяtko?» – «А я картоплю выкопала, капусту срубила. Всё в погреб спустила». – «Да как же ты одна працювала-робила?» – «А я помаленьку. Бабушка Матрёна начала копать и мне подсказала. А жёлоб, картоплю сыпать, дед Егор зроби́л из старых досок – от заваленки оторвал. Он же и разобрал их потом, из ямки вытянул и на место прибил. Витька совсем мало помогал», – в конце пожаловалась я.

А у неё в глазах слёзы стоят, мне непонятные. Ручки мои мозолистые детские целует и гурторит, как не раз повторяла, когда хвалила меня: «Доню моя, доню, догада моя, Бог тебе помог».

По отцу мы русские, Пешковы, я уже говорила, казачьего роду, а по материнской веточке – Шевченко. Обрусел материнский род на Алтае. А говор, полурусский, полуукраинский в семье прижился.

– Моя-то судьба прямо с колхозного порожка началась. А наш сперва не укреплялся, а разоря-ался да хирел. Постепенно вообще стал разъезжа-аться. К этому невзначай подтолкнул сам председатель в неурожайном тридцать девятом году. «Не уедете – погибнете, – сообщил он народу, понявши, что победившая коллективизация никак не улучшает жизни крестьян в его колхозе. Как бы не повторился голодный тридцать третий! Вот индустриализация – это да! Я и сам бы уехал, да партийная дисциплина не даёт».

С тех опрометчивых слов деревня начала расплзаться и чуть не опустошилась.

И я давай мамку настырно склонять: «Уедем. Давайте уедем. Слышала, что Николай Иванович сказал? Все едут, а мы что, рыжие?»

Ульяна сомневалась, советовалась с сёстрами, что жили в Черемшанке. Но у тех своих проблем было по горло. У Аграфены мужа объявили врагом народа, у Авдотьи – брата мужа в тридцать восьмом году. Государство защищало коллективизацию как выход из нищеты, не давало расшатывать ещё слабую, но способную к выживанию структуру – и было жестоко.

– Наша бедная семья оказалась в выгодном положении. Да и пережитая голодная зима того года подсобила. И мы... уеха-али! – рассказывает, как понимает, Ульяна. – Откочевали летом в сороковом году в Казахстан, далеко от всех родственников. Тогда мама уже вдовой сделалась, а мы – полусиротами. Направились вслед за другими односельчанами, «где фрукты растут, где жить можно». Многие так поступали. По простому людскому разумению – на месте жить легче – один переезд двум пожарам равен. Уже строились тогда заводы, железные дороги – там работа, зарплата. А в деревне – соха, да коса, да шиш с маслом. Это трудно в моём возрасте – переезжать, а в молодости – интересно!

– А как же говорят, что паспортов у сельчан не было, вроде и переезжать запрещалось? – интересуюсь не из праздного любопытства – споры о том времени не утихают. Как не спросить живого свидетеля!

– Брехня это! У мамки паспорт был, у нас – метрики. Ещё справки какие-то. Не помню. Пе-

реезжали многие! Не все счастливы, кто проторчал на одном месте. Сначала – пёхом. У каждого, кроме младшенького, в руках ноша. На мамке – два мешка через плечо, чемодан в руках. У меня сумки с едой. А у Витьки – заплечный мешок да машинка швейная. От Рубцовска на поезде добирались. Первый раз железную дорогу увидели.

ЖИВИ, АЛТАЙ!

Ульяна замолкает, задумавшись.

Перед глазами простирается степной Алтай. Горизонт далеко. Прямая дорога гонится за ним, как мы за счастьем, а догнать не может.

Знаю, что не везде так, что крестьянство уменьшается в разы и в Казахстане, и в России. Разрушаются, умирают сёла. Сразу и не поймёшь, что раскрестьянивание – глобальный естественный процесс. Душа деревенская плачет об этом. А тысячи проезжают так, как мы, сторонними наблюдателями – из одного промышленного региона в другой!

ПОСЁЛОК ЧУ

– Вот как жизнь перевернули! Прибыли в Казахстан на поезде, – продолжает Ульяна. – Голодно было. Столько ртов на одну мать. Сама она совсем усохла. Казалась высокой в длинной, до пят, юбке.

Приютились мы, по-современному назвать, – в Жамбыльской области, в посёлке на железнодорожной станции Чу – по-казахски правильно будет Шу, – поясняет.

– Для нас, как и для других, нашлось место в бараке, разбитом на несколько квартир с печным отоплением. Здесь я семь классов окончила в русской школе и пошла учиться в ФЗУ на железнодорожного кондуктора.

Мамка Евдокия сначала на колхозном поле «працевала», на котором буряки, то есть свёклу, растили... Когда узнали, какие она хлебы выпекает, поставили пекаркой или, как она сама говорила, стряпухой. Только это произошло не сразу – через год. А сначала... каждый кусок был считанный. Есть хотелось всё время. А тут ещё и сторона чужая, люди... неизвестные.

В первый же по приезду день малолетние соседи ситец у нас стибрили вместе с чемоданом. Во как! А мамка воришкам, по просьбе их

матерей, новых платьишек и рубашонков настроичила – скандал чинить не ста-ала. Важнецкое умение имела – шить! Швейная машинка, которую с собой привезли, – мамкино приданое. Дорожили мы ею очень. За пошив она старые кошмяные ковры брала, на них постель устроила. А что? Очень даже нормально было. В Ситниках на соломенных матрацах спали, тут на кошмяных – помягше и не шуршит.

Ну вот. Завихеривают чужие ребятишки в нашем ситце, а мамка Евдокия не разрешат нам об этом даже намекнуть. У Витьки, знамо, кулаки чесались. Приказала – не трогать! И правильно! Про кражу забылось! А среди казахов появилось у нас мно-о-го друзей и добрых соседей, которые не раз приходили нам на выручку.

КАК ВЫУЧИТЬ ЯЗЫК

– А как же вы понимали казахов? Языка ведь не знали? – интересуюсь у попутчицы.

– Без языка нельзя-а! По-русски многие умели из других наций, учили русский в школах охотно. И мы старались. Помню, как младший братишка Ванюшка пришёл и меня поучает: «Уля, знаешь, как быстрее казахский запомнить?»

«Как?» – тут она хохотнула, представив маленького смешного братишку.

«Надо сначала все ругательные слова выучить, а потом и остальное влезет. Смотри, сколько я уже знаю». И выдал мне – отборную матерщину. «Нет, братик, знать это надо, только потреблять не стоит». – «А с ребятами, когда взрослые не слышат, можно?» – «Зачем? Не хорошо это». – «Ладно, не бойся, я мамку и всех взрослых тоже стесняюсь. А сами-то они матеря-ются!» – говорит братишка.

Ну что сказать! Я честное слово с него взяла, что не будет позориться. Не положено детям, и всё! Обещала мамке не доносить. Да как этот секрет спрячешь! Скоро взрослые рассказывали друг другу со смехом, как дети учат языки.

И правда, самый первый из нас заболтал по-казахски он. А я учила-учила, а впросак попадала.

Была у казахов шутка – научат тебя бранным словам и пошлют к кому-нибудь «с поручением»: иди, мол, скажи ему по-казахски, он тебе нужное даст, а сам по-русски не знает. Так меня женщины послали к старику за каким-то задельем и научили, как спросить.

Я зашла и выпалила, не понимая что: «Старый баран, поганец, тебя бабка не любит».

Хорошо, что асакал догадался и не обиделся, а вышел наружу и крикнул: «Что нужно? Зачем русскую девочку плохому учите?»

Ох и стыдно мне было! Сколько раз встречала старика, столько и краснела.

А однажды к тридцатилетней женщине послали и научили сказать: «Это ты, сплетница, Айгуль своим языком запачкала?». А я думала, что говорю, мол, Айгуль просит вернуть ей занятый кусок мыла. Хорошо, что разобрались, а то, знаете, как женщины сплетутся, так не распутать. Та женщина моей мамке под стать оказалась. Рукой махнула, мол, проехали. А мамка моя старалась ничего никому не передавать и нас с сестрой учила не превращаться в «ботало», стыдила по-ситниковски: «Язычок-то прикуси! Неча молоть! Слово – серебро, а молчание – золото».

ПОДРУГА

– Язык я перенимала у ровесницы Гульжан. У них в семье все немного по-русски размолвляли. Жили они в доме с другой стороны улицы, прямо супротив нас. Отец, Кадыл, работал стрелочником и был намного старше своей тихой жены Зауры.

Гульжан родилась от его первого брака, и её матери уже в живых к тому времени не было. Мне это имя сразу понравилось.

«Гуль» – цветок, «жан» – душа.

Красавица была. Вокруг больше казашек небольшого росточка, скуластых и с почти коричневой кожей. А у неё лицо овальное, кожа светлее, чем обычно у них, губы, как на картинке, в глазах – живой огонь. И что интересно... у неё даже конопушки проявлялись. Это совсем редкость! Очень красили её волосы, тёмные, с рыжинкой. Косы – как змеи.

Я сначала стеснялась её, а когда поняла, что она простая, добрая, откровенная – мы сдружились. С ней не заскучаешь, такая хохотушка, выдумщица, мечтательница. «Уля, Уля, научи меня той песне, что вчера пела», – просила она.

Мы уходили в долину или на барханы, где никого нет, и пели во весь голос. Чаще всего начи-

нали с песни про «Галю молодую» – Гульжан многие по-русски звали Галей. «Пидманули Галю, увезли с собой», – пели как будто про казашку, которую «пидманули», за калым продали и увезли в далёкий чужой аул. А то затаюм «Распрягайте, хлопцы, коней...». Гульжан верхом хорошо ездила. Выпросит коня у дяди своего, уедет за посёлок, пасём его и веселимся. Под «Камажай» танцевали. Идёшь лёгкими, мелкими шажками на цыпочках и делаешь руками вращения в такт ходу.

Ульяна поднимает руки и, напевая мелодию, в узком пространстве сидений показывает те самые танцевальные движения. Её глаза в этот миг блестят по-девчоночьи.

– Нам хорошо было вдвоём. И теперь, как вспомнится Чуйская долина, всё мне слышится звонкий голос и смех... радужный подружки моей, – определяет рассказчица с запинкой.

С ними жила старенькая бабушка, по-казахски – апа. Она воспитала старшего брата Гульжан, Руслана, который ушёл в армию в тот год, как мы приехали. Принято у них отдавать первенца родителям на воспитание. Когда умер дедушка, сын привёл её в свой дом вместе с Русланом, где уже рос сын Маратик – от второй жены. Как почтительно все к ней относились! Стоило ей пошевелиться – бросались на помощь. Так положено у них. Апа всегда приглашала чай пить. Посадит рядом с собой за низкий круглый столик на кошму. Пододвинет сухими морщинистыми руками пиалку с горячим чаем и пиалку с талканом: «Отр, кыз, чай ше», то есть «Садись, девочка, пей чай». Мне нравилось, когда она шутила. «А жених, джигит, есть? – спросит. – Хорошая девочка. Пусть джигиты готовят калым». – «Какой калым, апа, по любви пойдём замуж», – смеётся Гульжан. «По любви? Жаксы! (Хорошо!) – соглашается и так хитро прищуривает глаза, что их вовсе не видно в складках кожи. – Любят глазами, живут делами. Работать учитесь!»

Девочек у них с детства готовят к роли хозяйки. Мою подружку учили варить, тесто замешивать, печь баурсаки... и другому разному... Я подключалась, когда приходила.

Как-то явилась, а они затеяли валять шерсть. Апа, Заура и Гульжан вместе взялись за это дело. Попала в разгар работы. Апа руководила. Вымытую шерсть после просушки, чёски, трёпки

15

пархо-о-ненько укладывали для валяния на приспособлениях из деревянных реек и брезента в разных направлениях, один ряд – так, другой – иначе. Её смачивали горячей водой с мылом, прижимали руками, топтали ногами. Потом сворачивали рулон и тоже катали, или валяли, его. Ну и я с ними. Несколько раз занимались этим. А зимой апа, Заура и Гульжан расшивали кошму узорами: зигзаг – вода, круг – солнце или сердце, завитушки – рога. Получилось красиво! А крепкая она какая, кошма!

Помню, раз мальчишки играли в «козлодратье», Витька с ними. Там, значит, так: верхом на лошади ловят барана или козу наперегонки. Только ребятишки не на конях – понарошку скакали за убегающим с куском старой кошмы. Нагнали и ухватились с двух сторон. Тянут две команды посреди улицы, галдят, а разодрать не могут. Сцепились драться. Юшку уже одному – двум пустили.

Наш Ванюшка кричит от испуга: «Дядка Кадыл, они убьют друг дружку!» – «Аке! Аке!» (Папа то есть) – надрывается Маратик.

«Ой – бай! Вот я вас! – подбежал Кадыл. – Из-за чего драться? Ни кожи, ни мяса! Тьфу, а не добыча!»

Ребятишки опомнились, кровь подтёрли: «А правда, чего это мы?»

ДОЛИНА ТЮЛЬПАНОВ И МАКОВ

Живо Ульяна рассказывает, будто книжку читаешь.

– Чу – это вторая судьба нашей семьи! – говорит.

Люди там по нации разные. Работают, я думаю, и сейчас на железке, а ещё в леспромхозе, на пункте приёма пшеницы, ну и в земледелии. Называется оно – богарное. Дождей там выпадает мало. Влагу запасают земли около реки. Чем больше разольётся весной река, тем больше засеют. Там и поля пшеницы, свёклы, бахчи, и огороды с картошкой! В те годы, правда, не так много засевали.

Долина реки – оазис. Ещё бы! С одной стороны у неё пустыня Бетпак-Дала – глина и глина. А с другой – Мойынкум – пески да пески.

Да. Насмотрелись мы там необыкновенной красоты-то. Весной, как пыхнет тюльпанами, а чуть позже – маками, степь, так баско, так красиво! Такого я нигде больше не видала! Вот бы перенестись туда посредине мая. Бывало, идёт поезд, стар и мал прилипают к окнам, плывут над

морем цветов и улыбаются, а на лицах удивление. Куда ни глянь, без конца, без краю разлилась и плещется красота! Я дворцы-то знаю, какие бывают – по путёвкам в Питере была и на море была, в Одессе, в советское время. Но это красивше дворцов, картин и моря. Таково радостно!

Рассказывала мне Гульжан, будто один знатный казах, хан или ещё кто, полюбил простую девушку-красавицу из дальнего аула. Позавидовали злые люди любви и сообщили ему, что она внезапно умерла. Поверил он чёрной лжи. Расстроился, закручинился, пустил своего коня на острые скалы и разбилась насмерть. И вот из его крови выросли цветы тюльпаны. Напоминают они, что любовь, как эта красота, как жизнь, пыхнет – и удержать её нельзя! И шутить с ней нельзя!

Мне представляется: иду по долине цветов, вижу крепкие стебли, узкие длинные листья, море тюльпанов, разлившееся алым цветом вокруг. Или еду в поезде и смотрю на красоту из окна вагона вместе с другими. Гибкие стебли делают море цветов подвижным. Колеблется зыбкая красота, недолговечная и хрупкая, как сама любовь!

16

РОДИНА В СЕРДЦЕ

– Зимы там не похожи на ситниковские, хотя местные считали, что таких суровых, как в Отечественную, раньше не было. Мы скучали по нашей погоде. Той зимы, с её бешеными вьюгами, нам не хватало. Однажды вечером мама шила на машинке и пела себе под нос, потихо-о-нечку: «Ой, мороз, мороз...», Маша и Виктор бросили учить, взбудоражились.

«Вот сейчас в Ситниках мороз трещит. Морозище!» – произнесла негромко Маша. «А я хочу!» – объявил Виктор. «И я хочу. Взяла бы намороженную коровью болванку и помчалась с самой высокой горки!» – присоединилась я.

Очень уж я любила катания. Пока не замёрзну в сосульку, не зайду домой. «Ага. А как мамка за вами в школу ходила в метель. Ух, какие там метели страшные! На улицу выйдешь, а тебя в лицо как клюнет», – это Ванюшка вспомнил. «Кто клюнет? Петух, что ли? – наскочил Виктор. – Может, не клюнет, а плюнет?» «Ветер и снег, – нашёлся Ваня, – вспомни, вспомни. Выходишь, а оно неожиданно набросится. Сразу

отвернёшься, в избу заскочишь» «А как зимой волки выли, – вставил Виктор, – стра-ашно».

«Здесь тоже есть волки. Но поезда их отпугивают», – заметила я, хотя и так все знали.

Нам показалось, что от метелей и снегов в Чу стало бы лучше. Вишь, не хватало роскошных серебристых просторов, колючих уколов снега и щипающего за щёки мороза. Тогда мы не шибко понимали, что такое ностальгия, а тосковали, поэтому и разговоры такие были.

Виктор первым разобрался, что Чуйская долина от самой Киргизии и Казахстана и есть начало Алтая. Как-то он принёс физическую карту Азии, которую выпросил у преподавателя в школе. У него к этому предмету тяга была. Расстелил на полу, и целый вечер ползал вокруг неё, и всё что-то сопоставлял. Наконец, позвал нас всех.: «Вот Тянь-Шань, Тибет, Алтай. Видите? Вот где мы жили и вот где живём. И всё это Алтайские горы. Какой он огромный... Алтай!»

«Сколько это километров?» – «А сколько мы проехали из Ситников досюда?» – «А где самый конец его?»

Он взял линейку, и мерил, и высчитывал по масштабу. Маша, я, Ваня – все ему помогали. А мать смотрела, качала головой и говорила: «Это не от меня. Это у вас от отца. Он-то по миру поматался. В Австриях да Пруссиях был. Мы-то, бабы, и правда, дальше кути ничего не видели. Ишь ты!»

А распалившийся от своего открытия Виктор хлопал себя по ляжкам, прыгал вокруг матери и радовался: «Везде Алтай! Везде Родина! Вырасту – вернусь! Ты сама же, мам, говоришь, что могила отца там и родители твои».

Мама тогда смахнула слезу: «Весь в отца уродился: и обличьем, и характером. Да... на родные могилки я сходила бы. Да и сама хотела бы покоиться рядом с Ваней, в своей земле. Развели нас с ним времена да дороги».

НАЧАЛО ВОЙНЫ

– Отечественная застала нас в Чу, как на остановке! Мы и прижиться как следует ещё не успели. Почитай, только транспорт покинули, на чемоданах пристроились. Помню, как мамка, бледная, в дом забежала, хлебы на стол положила, села и заплакала. Это её почти последние за войну слёзы были. Терпела. Чего уж? Всему

народу крест. Крест нести не голиком мести. Мир в беспорядь – а детей подымать. Втихомолку молилась только. Доста-алось. Матери, рук не покладая, работали и детишки тоже: и на полях, и в огородах – везде.

И по-другому приспособлялись. Ага! Помню и такое. Первой военной осенью учили нас местные зерно с колхозного поля воровать. Хоть и стыдное это было дело, да ведь голод не тётка. Пропало всё быстро с началом войны: серянки (так у нас спички называли), мыло, ситец, деньги. Хлеба не хватало. Как выжить? Еда стала дороже одёжи. Говорили, чтобы оправдаться: «Раз работаю – право имею взять, чтоб не сдохнуть». Но очень строгие законы были. Боялись доносчиков, тех, кто в тайной милиции состоял и должен был на всех «стучать». Но это нехорошим делом считалось – осуждал народ доносчиков-то!

Воровство наше вынужденное было, а и по сю пору грех этот тревожит.

Берёшь сумочку и верёвочку и идёшь, будто собирать дрова, туда, где поля рядом с тугаями, – это лесочки такие.

Почему мы лесочков держались? В случае чего скрыться можно. Ну вот. Кто высмотрит, что хлеб просыпали на поле и кучкой лежит и нет никого вокруг, а то сердобольный комбайнёр сыпанёт – все туда. Дрожишь, а бежишь! Налетаем, набираем! А потом сховаешь в вязанку дров и перетягиваешь верёвочкой. Если бы кого поймали с этим, обязательно бы посадили. Одного мальчишечку объездчик так кнутом отходил – тот чуть не помер. Так общественна собственность охранялась! Мамка не раз молила, с Богом разговаривала: «Спаси, Господи, не накажи детей моих. Я виновата!» Однажды сосед Кадыл по делу зашёл, а у нас на столе чашка с «добычей». Она покраснела даже, а я фартуком прикрыла. Потом слышу, говорит ей: «Вы меня не бойтесь. Что ж я не человек, что ли?»

Взрослые и дети ели поджаренную пшеницу – такое «блюдо» можно было в кармане носить. Или её растирали в ступе и смешивали с солью или сахаром – это талкан. Русские, украинцы, татары, дунгане и другие народы учили друг друга, чем выжить. Казахские блюда из муки по-настоящему после войны освоили. А в войну, по редким праздникам, нас угощали баурсаками – это блюдо по виду как пончики.

Высушенный творог, солёный курт, сосали как конфеты. Рады были, если кто угостит. Но самое вкусное – бешбармак. С мясом подавали сваренные лепёшечки из теста и жирную сурпу – бульон. Мы опробовали всё это, когда на фронт забирали местных казахов в сорок первом году. Родственники устраивали им пышные проводы. А из переселенческих семей ребята уходили на фронт тихо: на проводы средств не было – беднота.

ВРЕМЯ ДВИГАЮТ ДЕТИ

– В начале сорок второго года я стала работать на станции помощницей стрелочника, хотя профессия называлась в аттестате «старший кондуктор». На железной дороге военный порядок был. Наизусть все работники учили устав.

Матушка подогревала: «Не думай, что это игрушки, – как следует, Уля, учи. Учи-и! Всё исполняй, чтобы не стыдно было. Если бы я могла читать, так эту науку назубок бы выучила. Сурьёзная у тебя работа будет. Отец бы тебе тоже так сказал».

Была у неё привычка на отца опираться, которого нет, будто он всё семейство крепил мамкиными словами: «Уля, смотри, малой-то наш, Ванюшка, так и чешет по букварю. Умный, как отец. А ты, Витя, чё мало за уроками сидишь? Ты, сынок, старайся, отца не позорь. Тягька у вас грамотный был. Любо ему будет, если вы умные вырастете!».

Работа на железнодорожной станции мне нравилась, она меня сразу со взрослыми наравне поставила. Молодая ведь была! Пролетали поезда, и душа за ними неслась... в самую далёкую даль. Но была война. Пассажирские останавливались на короткое время, оставляя горькое чувство. Больше шли военные составы. И оттого, что радостного было мало, даже нам, молодым, казалось, что время остановилось.

Война началась – как вкопанное встало оно. Люди его и молили, и крепким русским словом крестили-понужали – не тут-то было! Сейчас-то вон оно как мчитя! Без остановок! А тогда думалось: вот время продвинулось бы – и трудности бы исчезли.

«Мне время и не чуетя, и не видится без вас, – признавалась мамка. – Посмотрю, а вы-то меня и по росту догоняете, и по трудам. По мне так – время двигают дети!»

– Но с этими двигателями времени не всегда легко было. Досталось пережитков, когда Витька пристрастился к насваю и бродяжничать начал. Чуть что – из дома шасть! Только его и видели! Мамка носится по посёлку ночью, ищет его, а найдёт – нет чтобы отбоцкать, обнимет, накормит, нас выгонит и одна с ним долго-долго беседует-уговаривает. А табак там многие нюхали, даже и женского пола, – посмеялась Ульяна.

– Ну да! «Скушай заячий помёт, он ядрёный, он приймёт», – цитирую я Филатова.

– Безобразие одно. Бр-р! – передёргивает плечами и продолжает. – Лупила мать Витьку редко! И я помогала воспитывать. Зажму в углу, подзатыльников надаю, когда она не видит, и давай жучить: «Дурак! Тебе мать не жалко? Ты чего, ей сердце надорвать хочешь? К тебе – с добром, а ты? Я тебя не прощу, если из-за тебя мамка заболит или плакать будет. Будь человеком. Будь мужиком, в конце концов!»

Сама-то я мелкая, а он длинный, костлявый, хоть и младше меня. От меня руками загораживается. Защищается! Коленки да локти мосластые выставляет и орёт: «Всё. Понял. Всё! Ну хватит. Скручу ведь. Храбрая какая!» – «Храбрые на фронте. А тебя туда нельзя пускать. Дуракам там не место, – рапортую. – Нельзя так жить, будто всё дозволено, будто ты можешь делать что хочется. Мать-то как живёт! Нам куски подкладывает, а сама водички попьёт – сыта!»

Посмотрю на него да Машу, они здоровые дылды, быстро растут, голодно им. Нам с Ванюшкой меньше надо.

Ванюшка Витьке свой оставшийся кусок протягивает, а я – Маше. А те на маму – зырк! Можно взять?

Хорошо, что Витька куролесить перестал, без спроса убежать да курить. Ещё и дядька Кадыл разьяснил, что к чему: «Этим и тело, и душу поганят. Я тебе, как сыну, не советую. Руслан мой на войну ушёл, не курил, и вот почитай письмо – и там не курит. А домой как хочет. Читай: “Нигде нет уголка теплее родного дома, потому что в нём – вы”».

Курили травку-то там, в войну, курили – для одурения, замутнения мозгов. Вот дурью называть и стали!

Я в который раз пытаюсь повернуть рассказ на эту тему – дурь! Дескать, неужели курили? И кому курить? Война. Дети да старики.

– Но нет, были и мужнины помолже на железной дороге да и в колхозе, по брони оставленные. Не торопи. Это не по порядку будет, – терпеливо уговаривает Ульяна. – Раз обещала, расскажу, хотя хорошего нету в том. Дурь – она ж гибель. Вот солдатики в войну – эти по-человечески умирали, а дураки... от дури...

ЛЮБОВЬ

– Давай я тебе лучше про хорошее... Чё плохим мозги трелевать!

– А что такое «трелевать»? – интересуюсь.

– Ну забивать чем попало. Не знаю точно. Одна подружка-немка, что трудармию прошла, говорила часто. Вот и осталось. По словечку от каждого возьмёшь – вот тебе и поумнел! Ну вот, слушай! Там у меня на семнадцатом году... появился жених, как красно солнышко, а в душу запап навсегда-а. Поделюсь с кем, поучают... обязательно! А стали бы жить, кто знает, что бы получилось. Ангел – родом, а станет чёрт чёртом. Может, кто-то и стал бы им, только не мой Аркадий.

Я и подумать не могла о таком... Как про жизнь в юности думаешь, что она у тебя длинная, вечная – так и про любовь я думала, когда она передо мной встала...

Ульяна подбирает слова. И течёт дальше потрясающе искренний безыскусный рассказ.

Он был молодой лётчик, двадцати двух лет, сержант. Едва окончил Борисоглебскую лётную школу в Воронеже. В мае сорок второго года приехал. Удивительно, что ему дали возможность такую, перед тем как отправить на фронт. Вот за эти считанные дни и сложились отношения. Он только слез с поезда и сразу увидел Ульяну, в рабочей одежде, с непокрытой головой – белый ситцевый платочек в руке. Она шла ему навстречу, направляясь домой после ночной смены.

Волнуется. Мне кажется: я слышу, как учащённо бьётся её сердце.

Продолжает дорогие воспоминания. И голос у неё молодеет:

– Серогла-азый, улы-ыбчивый, сме-елый... подошёл сразу, как только увидал. Растерялась я. Остановилась, будто о камень споткнулась. Вся моя неприступность рухнула. Росту я была небольшого, черногла-азая. По годам зелё-ёная, с незнакомыми стеснительная. А когда попривы-

кну, бойкая и даже хохотушка. Петь люби-ила! Волосы у меня слегка вились, как у папы. Девчонки завидовали.

«Девушка, куда вы торопитесь? Где живёте? Как вас зовут?» – всё узнал. Я с первого взгляда поняла, что хороший. Всё выложила. Был он резкий, ловкий – не такой, как гражданские: вялые, грубоватые да угловатые. От любви не скрыться – срок придёт влюбиться. Вот и пришёл.

Вечером было около нашего дома. Встал на другой стороне улицы и меня высматривает. Ванюшка его сразу заметил: «А чё это, Уль, вон тот лётчик на наши окна пялится? В тебя влюбился, что ли?»

Я вспыхнула вся. А он смелости набрался и к нам зашёл. У матери разрешения спросил. Мамка на меня посмотрела и разрешила: «Что ж, идите погуляйте, только без глупостей, и чтоб в девять дома была!»

Он рассказывал о лётной школе. Интересно мне было слушать. Это был наш первый вечер. При прощании поцеловал.

Ульяна качает головой:

– И совсем я забыла о наказаниях материнских – никого к себе не подпускать. Не принято было. Взял за плечи, в глаза заглянул и... остался в сердце насовсем. На второй день пришёл с букетиком тюльпанов и увязался на работу. Так и простояли смену втроём: старший стрелочник, дядя Кадыл, Аркадий и я. Я осмелела вовсе и до признания дошла, что с ним хорошо, и свободно, и нисколько не трудно, как будто он брат. На это он возразил.

«Не хочу быть твоим братом» – так вот шёпотом и произнёс. «Почему это?» – «Потому. Потому что с сестрой даже целоваться не положено. А я всего хочу».

Первый раз такое слышала. Испугалась: «Не говори так больше. Мне ещё семнадцати нет». – «Маленькая. Что ты! Я никогда тебя не обижу! Верись?»

Для него самым главным было, чтобы я верила. Без конца спрашивал об этом. А я сразу поверила. Кивну головой – он опять бросается целовать. Обнимает, а я сама в его руки горячие, сильные, ласковые как заколдованная иду. От этих поцелуев с первой встречи не раз на грани последнего шага были. Но он оттолкнёт, убежит, через пару минут назад возвращается. Так и бегал, как молоньей ударенный.

Пролетел ещё один их день и чудесный летний вечер. И ещё один. Каждое сказанное друг другу слово было дороже золота. И роднее для Ульяны не было человека на всём белом свете. Простились они накануне его отъезда. Ушли в Чуйскую долину, будто нарочно буйно цветущую для влюблённых, и... потерялись. Весна, тюльпаны, любовь посреди войны – как сказка! Ведь где-то шли бои. А они только друг другом дышали. Что пережили, что перечувствовали в эти последние часы, не рассказать. У неё ныло сердце, и руки, и ноги – всё её существо запоминало каждый последний миг. При прощании невольно зашёл разговор о боях, и Ульяна расплакалась, почувствовав сердечком опасность. А когда к девяти часам вернулись, мать испытующе посмотрела на доню свою, встретила то ли упрямый, то ли пьяный от любви взгляд и не сказала ни слова. Доверяла дочке.

Не раз слышала Уля от неё: «Блюдёт себя девушка и от жалости к себе, и от гордости. От этого силу копит. У мужиков сила от Бога. У женщин она тоже имеется – от другого, от доброго, терпеливого сердца. Оступилась – силу потеряла, уже пожалеть никого не сможет. А положено бабам жалеть, как Матьерь Божья всех жалеет. Кто жалеет, тот силён!»

Разве можно было Ульяне-то главную женскую силу потерять после таких материнских слов!

КОНЦЕРТ

Соседка нашёптывает мне свою историю тише и тише, но я всё понимаю: настолько обострился слух на её голос, и ни гул двигателя, ни монитор не отвлекают. Зато приковывает обращённый на меня открытый взгляд, в котором легко читаются малейшие оттенки переживаний. А её судьба, как неповторимая дорога, тянется и обростает.

– В Чу мы научились понимать и уважать людей других по нации. Было – и грубили, и оскорбляли друг друга, чуть что не так, особенно подростки, обзывались: «ты колбит», «ты русский свинья». Но когда пошли похоронки, слёзы общими стали и глупости взаимные утикли. Даже общие радости случались.

– Какие радости?

– Да хоть вот эта... После отъезда Аркадия, в конце лета, Гульжан сообщила: «Сегодня вечером приедут два акына – два поэта. Выступить

будут. Один – девяностолетний... Жамбыл. Недавно он получил Сталинскую премию»...

Тут Ульяна делает отступление, лезет в кармашек и достаёт медаль «За доблестный труд» – вот, мол, и у меня имеется.

Совсем молоденькая получила. Надо же!

Прячет снова в карман и продолжает:

– Мне любопытно. Пошла с ней. Там и услышала, как под домбру читают стихи и старинную любовную историю про Козы Корпеша и Баян-Сулу. Я уже по-казахски много понимала.

Ульяна рассказывает, и я будто своими глазами вижу тот далёкий вечер. Солнце садилось. Прямо во дворе одного из крайних домов на печке под навесом варили бешбармак для гостей. Чуть пахло дымом, мясом и спелыми абрикосами. У входа в белую юрту на коврах сидели, поджав по-казахски ноги, аксакалы рядом с дорожными гостями. Все ждали. Молодой акын был слепой. Старый родился и жил у горы Жамбыл и носил её имя. Больше всего на него глазели. Узкие прорезы прятали взгляд и не отталкивали смотрящих на него. Можно было долго и беспрестанно путешествовать по его морщинам, необычным рисункам будто из камня выточенного лица с широкими скулами, изрезанного следами времени вдоль и поперёк. Величие и простота природы отразились в облике человека и каждом его слове.

– Когда собралось много народу, акын встал, отдал всем свой «салем», сел, тут же легко тронул струны домбры и извлёк волнующие, полные звуки, затем, сжимая деку, легко заскользил по ней левой рукой, правой ударил по струнам и выпустил из-под неё мелодию, привычную уху кочевника. Только домбра может так ярко представить в звуках бегущий по степи табун лошадей с разметавшимися гривами, рассекающий ветер. Из его уст, как из рога изобилия, потекли стихи. О войне и о собственном сыне Алгадаре, который был под Сталинградом. Всех солдат советской армии он называл своими детьми, о которых болит его старое сердце. А враг – это коварный змей, злобный волк, трусливый шакал, и он будет побеждён. Ульяна впитывала слова на чужом языке всем существом своим, и чувство благодарности к старому акыну росло и объединяло

её со всеми сидящими вокруг на скамьях, на корточках или на принесённых кошмах. Ему долго аплодировали. По обычаю подносили и бросали подарки.

Потом молодой акын пел известную народную легенду-эпос, о которой говорила Гульжан. Почти час звучала история о героической любви. После концерта гостей увели в юрту вместе с аксакалами, угощали бараниной и бешбармаком. А Жамбыл велел посадить за дастархан ребяташек: «Много ли старику надо? Пусть дети поедят!».

Расходились с просветлёнными сердцами и лицами.

«Если я влюблюсь, – призналась Гульжан, когда девушки шли домой по широкой пыльной улице, – то как красавица Баян».

И вдруг, остановившись, она спросила Ульяну: «А ты, подружка, будешь до смерти любить своего Аркадия?»

Она заглянула своими блестящими глазами прямо в душу и продолжила: «У всех народов есть истории про влюблённых, или древние, или каким-нибудь писателем написанные. И получается, что надо быть сильными и умелыми для любви». – «Да, – отзывалась Ульяна, – как твоя апа говорит. Мамка тоже внушает: “Без умения ты и не человек”. А ещё так: “У хорошей жены и мужичок с ноготок – удалец, и замухрышка – князь”». – «У нас почти так же: “У хорошей жены муж – хан”»

«А знаешь: красавица Баян борется до конца, – говорит Гульжан, – а в «Ромео и Джульетте» героиня не такая. – Почему она так решила, я не знаю. – Значит, – говорит – наши женщины, русские и казашки, сильнее каких-нибудь там английских. Я чувствую, что у меня любовь будет сильнее смерти».

Щёки у девушек пылали. Ульяна прислушалась к себе и поняла, если любить, то так, как говорит Гульжан.

– Зимой сорок третьего года подруга моя заболела туберкулёзом, как когда-то её мать, и весной её не стало. Не дожила до любви, – печально говорит Ульяна. – В платье хоронили, которое мамка сшила. Прощаться разрешили, а на кладбище у них женщинам нельзя. Около трёх лет длилась наша дружба.

Рассказ останавливается.

Я осторожно прерываю паузу:

– А ваша любовь на этом закончилась?

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПИСЬМА

– Не закончилась! От Аркадия, с фронта, я получила четыре весточки. В первом письме – маленькая фотография с надписью: «Любимой Ульянке на память», и ещё: «Лялечка! Помни меня!» А письмо? Вот оно: «Здравствуй, моя милая Ульянка! Я в Сталинграде. Как я счастлив, что могу называть тебя своей милой. Когда-нибудь мы встретимся и я скажу эти слова тебе вслух. И ещё много-много красивых слов. Славная, добрая, ласковая моя. За меня не бойся. Мы все, лётчики, как братья друг другу. Вместе мы – сила. Целую тебя. Твой Аркадий».

Не расскажешь в двух словах о любовных делах. Жалко, не посмотрелась я на него – мало времени было у нас. Щас-то, поглянь, люди друг на дружку и не смотрят – в сетях сидят, называется. И что это за сети? Как рыбы пойманные мечутся в них, а уж на мир и не глядят.

Хочешь, ещё перескажу дословно? Держит голова ещё!

«Ульянка, любимая моя, здравствуй. (Вот что для меня подобрал. А кто я такая была? Дурочка молодая!) Я уже писал, что добрался к месту назначения. Командование устроило вновь прибывшим экзамен, и все остались довольны. И то сказать: мы сами соображаем, сколько от нас зависит. Сразу же нам организовали занятия по ведению воздушного боя с теми, у кого на счету десятки уничтоженных вражеских машин. Ты бы видела, какие герои! Об одном жалю: пока бои идут на нашей территории. И мы, и фашисты сбрасываем бомбы на Нашу землю! Рвём её милую! Как она вздымается, больно смотреть. Но скоро всё будет по-другому! Мы обязательно выгоним врага! Дорогая моя, целую тебя миллион раз. Люблю тебя! Жди!»

Ещё писал, но очень коротко, о том, что в эскадрилье боевой дух и опять о любви: «Хорошая моя, я вернусь! Я буду с тобой! Не плачь. Я постараюсь, чтобы ты никогда не плакала больше. Целую тебя, девчоночка моя. Твой Аркадий». А в последнем так: «Моя любовь сильнее войны... Приснись мне». Мы с ним «верова-

ли» в нашу любовь. И кто бы что ни говорил, а мы жили бы душа в душу!

Смотрю в глаза собеседницы, слушаю и понимаю, что такая не могла ни предать, ни изменить, ни ожесточиться!

СТАЛИНГРАД

– Аркадий уехал. А вскоре на Сталинград поёрли фашисты. Крым, Харьков уже в их руках были. Захотели взять и этот большой город... Мечтали о скорой победе! Как голодные набросились! Как волки на мясо! Они-то нас за дикарей считали, а сами как звери были. Прикидывали – и Москва сдастся вот-вот, и вся страна под их власть подпадёт.

23 августа сообщили, что Сталинград начала бомбить эска-дрилья Рихт-го-фена, – произносит почти по слогам Ульяна. – Вот ведь... ещё тогда запомнила иностранную фамилию. Ох и ненавидела я этого Рихт-го-фена! Чтоб ему пусто было! По его приказу кинется ихний лётчик в небе на моего Аркадия.

В газетах читала про народно ополчение. Что слышала, что попадалось на глаза, запоминала. Думала, что скажу ему при встрече. В голове все генералы – Рокоссовский, Ерёменко, Ватутин, Жуков – что были там. С фронта приходили солдаты и рассказывали, какие были геройские командиры. У нас многие на фронт рвались. Витька убегал. На соседней станции с поезда ссаживали. Сама бы сбежала, да семью тащили мы с мамкой вместе!

С тех пор храню пару газет о Сталинградской битве. Не видала своими глазами – а тем жила ... двести дней – столько битва шла там, на земле, на воде и в небе. Помню, про сибиряков писали. Командир у них был... с деревенской фамилией – Батраков. Всю его бригаду наградили орденами Красного Знамени. Все герои-коммунисты и некоммунисты! А как защищали Мамаев курган! Воистину объединились земля и народ, встали дыбом перед врагами. – Ульяна даже руки вскинула вверх с растопыренными пальцами, будто стену возвела. – Вы нам погибели хотите? А не будет по-вашему! Кинохронику показывали в клубе, нет-нет да кусок воздушного боя мелькнёт. Самолёты вражеские с крестами и наши со звёздами. Бомбы летя-а-т вниз. И земля вверх поднимается взрывами. Страшно, как она, земля, на солдат рушится. Думала: пусть бы она фашистов дави-

ла, как блох! Наша же земля-то! Вот и Аркадий в письме о том же...

Голос Ульяны то крепнет, то слабеет. А когда в старческих глазах блеснёт слеза, она вздыхает и замолкает. Вот опять расчувствовалась. И мою душу разбередила...

ОСТАНОВКА ЗА АЛЕЙСКОМ

Шестой час вечера. Закончился короткий дождь, который мы за разговором и не заметили. Свежо. Множество машин сосредоточилось у ряда придорожных кафе за Алейском. По всей трассе немало настроено подобных стоянок со столовыми, гостиницами, кемпингами – щегольнём новым заимствованием. Куда деваться? Даже и здесь, на алтайской-то дороге, в глубине России, пара вывесок на английском языке. А свои слова уходят.

ИНЦИДЕНТ

Направляемся к выходу.

– Хотите чайку? Стаканы в кафе попросим, – обращается приветливо соседка неугомонного пассажира, шагнув нам навстречу с металлическим термосом в руках. У неё высокий, мелодичный, красивый голос.

Почему бы нет? Соглашаемся!

– Еду из Чехословакии. Туда – с заездом в Волгоград, оттуда – через Казахстан, где с сослуживцем отца – казахом встретила. По местам сражений проехала – долг свой выполнила. В Чехословакии он лежит, в братской могиле. Земли нашей увезла на могилку. Мамаев курган посетила. Родина-Мать – лучший символ России! Там надо побывать, чтобы её ощутить. И гордость, и боль наши.

– И сколько можно гордиться? Гордятся они! – это в нашу группу врзается тот «аморфный» юноша-подросток, которого вытеснили со своего места студенты. – Стоите тут на дороге. Путааетесь под ногами! Пора вам всем подышать.

Скользнул между нами как тень. И вдруг грубо отодвинул и толкнул Ульяну, которая занесла ногу над ступенькой, хорошо, что схватилась за поручень, – чуть не упала. А юноша спрыгнул с подножки и, не оборачиваясь, направился прочь.

– Да что же тебе человек – мусор, что ли? – кричу вслед.

Хотелось стукнуть. Куда там! Не догнать!

– Как только вернётся, потребуем, чтобы извинился! – говорю.

Как он нас... вычеркнул... из жизни. Ишь ты какой! Не принимают они нашего отношения к своей истории и не видят пользы от нас в нашем возрасте.

– Учить таких надо! – возмущаюсь.

Новая собеседница и та, что рядом с бабушкой сидит, обнимают Ульяну, у которой дрожат руки и лицо побледнело. Однако машет: ничего, мол, а вслух произносит:

– Разный народ бывает. Этот так прямо... вражина! Ты поглянь, чё делает!

Но видно, как она быстро укрепляется духом. С детства прошла школу – не сдаваться!

– Мы, бабушка, тебя пожалеем. Нехороший какой! Придурок! Правда? – это шестилетки обхватывают её с двух сторон...

Погладила ласково головёнки:

– Да какие же вы славненькие! Совсем оборзел! Только сами не ругайтесь! Нехорошо!

Пассажиры расходятся по своим делам. Мы собираемся выпить по стакану чая из термоса и закусить Ульянинными пирожками, которых хватит нам, девочкам и их мамам. Однако аппетит и настроение испорчены. Инцидент не заесть.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Выйдя из кафе, видим, что группа молодёжного ансамбля окружена толпой. Неугомонный Геннадий Семёнович стоит рядом с бабушкой и его соседкой. Кажется, они разговаривают. Под перезвон гитары плывёт из прошлого казачья песня. Народ подтягивается со всех сторон.

Поют уже второй куплет. Песня льётся радостно, энергично, красиво. Голоса заглушают гитару и местами звучат акапельно:

*Любо мне, когда в тихой обители
в церковный праздник на молебен
призывают Николу Святителя,
ай, до чего же любо мне, да.*

Никола Святитель – дорогое имя в устах казачьих. После рассказа Ульяны об отце понимаю это лучше... Казаки почитали Николу как покровителя Алтая да и всей Руси.

Не обманули ребята, что знают наши песни!

Всё заканчивается аплодисментами и криками:

– Спасибо! Bravo! Молодцы!

– Эх, ещё бы послушали! Да под баян!

– А что, баяна нет?

– Есть – в багаже и баян, и костюмы! Мы так, для репетиции. Некогда! Ехать надо!

Толпа расходится. Кое-кто мурлычет себе под нос: «Любо мне...»

– А что, бабушка, не лучше ли молитвы такое песнопение? – задавает наш сосед священника.

– По воле Божией...

– А наркомания тоже? Вы, я предполагаю, мирской жизни ничуть не знаете? Зачем она вам?

– Из мира всяк человек. И моя матушка пьяницей была, и брат мой от наркотиков умер, – просто и внешне спокойно констатирует священник.

Геннадий Семёнович только глазами сверкает в ответ.

СТУДЕНТЫ ОБЩАЮТСЯ

23
Пора ехать. При проверке обнаружилось, что на месте нет ни нашего неумного пассажира, ни юноши, похожего на подростка. Первый только что мелькал тут – и вдруг как сквозь землю провалился. Он из тех, кто не поглядывает на часы, а скорее, идёт за событиями. А второй, тихий и молчаливый, где? На поиски направились шофёр – напарник Коля и руководитель ансамбля с тремя ребятами, что держались около него. Молодожёны удалились, взявшись за ручки. Студенты с наушниками похихикали им вслед. Вот только пели про то, что «любо», и на тебе – опять... бьют копытами: «Мы сами по себе». Забравшись в автобус, принялись рассматривать в окно девушек, изощряясь в комментариях, смеяться передразнивать.

– Все суетятся, бегают, чего-то хотят, спорят, настроения разные переживают. Интересно наблюдать! – неожиданно произнёс один.

– Когда как! – откликнулся другой.

– По правилу – от простого к сложному – каждый малый наблюдает за малым пространством, а есть ведь и огромный театр действий. Кто наблюдает за ним?

– По этому же правилу: я храню маленькую дозу информации, народ – большую, человечество – огромную, а кто всё хранит?

– Информационное поле Земли, вселенский разум или... Бог. Всем известно...

Замечаю, как в этом месте бабушка тоже прислушивается, но убедившись, что слово прозвучало случайно, опускает голову.

А студенты продолжают:

– Я, знаешь, Санёк, о чём думаю: если есть разумная взаимосвязь всего в мире, то почему же у нас вопросов больше, чем ответов? И научные гипотезы всегда с изъяном.

– Задаёмся! А ума у нас – не больше черепашки! – изрекает Санёк. – Сравни мою голову и, например, земной шар... Если в нём мозги есть...

– Не пугай меня на ночь глядя... Хотя... чего бояться.. она всё для нас. Вот тебе зима... вот тебе осень, дождь... вот тебе плоды...

– Вот тебе – трудись до пота...

– И земля нас учит, это точно. А ты обратил внимание на этого, с крестом, что позади сидит. Поди чуть старше нас, а лицо какое! – шепчет Санёк.

– Да. Как с тобой, не побалдеешь...

Тут они переходят на такой тихий разговор, что я уже ничего не слышу.

ЗАДЕРЖАНИЕ НАРКОДИЛЕРОВ

Геннадий Семёнович появляется почему-то в сопровождении двух милиционеров. Те сразу подходят к Николаю, изымают билет какого-то пассажира, проверяют список, потом подзывают соседей юноши-подростка, руководителя из ансамбля, тоже вернувшихся в автобус. Их уводят для опроса и составления протокола.

Вернувшись, наш сосед, по своему обычаю сразу начинает делиться соображениями по поводу происшествия. Автобус наостряет уши.

Два-три пассажира вместе с Геннадием Семёновичем обратили внимание минут десять назад, как несколько машин зажали «Жигули» синего цвета с киргизскими номерами возле кафе. Через несколько минут мужчины в гражданском пересадили из авто в спецмашину двух – уже в наручниках.

Ещё на таможнях он заметил киргиза средних лет на синей «Ладе». С казахстанской тот выехал раньше нашего автобуса. А на российской, оказавшись рядом с осматриваемой «Ладой», узнал от владельца, что тот волнуется, как бы они не заставили разобрать её по винтику. Особому дозору подвергаются частные машины с того направления, потому что из Афганистана да и из Чуйской долины идёт поток наркотиков.

Здесь, на остановке, к мужчине подсел некто, кого следовало взять с поличным из разрабатываемой органами группировки наркодилеров... Это и был тот самый, похожий на подростка тип. Вот тебе и «аутсайдер»!

Приближаемся к столице Алтая – Барнаулу по отличной дороге из бетонных плит. На такую любую самолёт приземлится и тяжёлые танки пройдут, не разрушат. Стратегическая трасса! Красота! Автобус бежит быстро. Совсем не трясёт, и многим отлично спится. Обгоняем два военных тягача с ракетными установками, в сопровождении солдат на грузовиках.

«Лишь бы не было войны» – повторяю про себя как мантру.

Геннадий Семёнович яростно нападает на Чуйскую долину, заросшую жирной кустистой коноплей:

– Если пробежаться между цветущими растениями каннабиса (конопли по-научному), поднимется густое облачко жёлтой пыльцы. Я специально ездил в Казахстан на встречу наркологов и общественников по борьбе с наркотиками. Наслушался! Эх, как разъедает душу народную эта зараза! Эх, и губит! Если наркотики взяли верх, разум не работает. Гибнут люди, больше всего – молодёжь. Количество «удовольствия» зашкаливает. На границах задерживают тысячи килограммов! Значит, всё же удаётся провезти.

27

Я ведь нарочно на границе прицепился к собачке. Хотел убедиться, что они там работают... Да... Вроде заслон есть... И что интересно? Вместо наркотической конопли, знаю, сеют уже «безвредные» сорта для хозяйственных нужд, но и для дури хватает. Страшное дело! «Либо человечество покончит с ним, либо оно – с человечеством!» – открыто так говорят. Нашим детям жить с этим! Собственный сын в реабилитационном центре находится, – вздыхает Геннадий Семёнович. – В Отечественную погибло почти тридцать миллионов! А теперь сколько? Счёт идёт... – такое глобальное явление! В первую очередь все усилия государства направил бы туда!

ЛЮБОВЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Пассажиры между тем угомонились. Инцидент отдаляется... Ульяна продолжает рассказ.

Когда письма с фронта перестали приходить, она долго ждала и гнала от себя дурные мысли. Весной сорок четвёртого нашла родителей Аркадия от них и узнала, что Аркадий геройски погиб 10 января 1943 года в бою за Сталинград, в день

генерального наступления Советской армии. «Поплач – легче станет!» – посоветовала Евдокия, застав дочку с письмами и в слезах. Витя, Маша и Ванюшка утешили по-своему: «Уля, как наши им, врагам, этим фашистам проклятым, дали! За всех и за Аркадия твоего отомстили. Будут знать!»

После работы спешила Ульяна «на свидание». Воображала, что Аркадий ждёт на скамейке, напротив входа на станцию, или подальше – у стрелки, или на берегу реки Чу возле старого корявого тополя – туранги. Тёплую кору дерева они трогали руками, приближаясь друг к другу. Это делало её выдуманные встречи осязаемыми. Она обнимала тополь, прижималась к его тёплому боку, прикладывала ухо и в шуме листвы угадывала шёпот взаимной любви.

Порой представляла, как Аркадий делает предложение или как они, гуляя по цветущей долине, рассуждают о семейной жизни.

Однажды Ульяна села под турангу, прижалась спиной к стволу и стала думать об Аркадии. Вдруг он наклонился, посмотрел и сказал: «Ты не бойся. Открой глаза и уйди за дерево. Слышишь? Не бойся».

Ей стало так хорошо, что не хотелось шевелиться, но он был так настойчив, что она вскочила – и в метре от себя увидела гремучую змею. Прижимаясь к стволу, в несколько маленьких шажков оказалась за ним. Побежала домой, а в душе такая радость, будто с живым Аркадием общалась.

Матушка нашла нужные слова: «Вот какой у тебя ангел-хранитель появился. Пусть он бережёт тебя, как Ваня мой меня и вас, своих детей».

ПОБЕДА

Наконец, наступила Победа.

Уля вместе с другими работниками железной дороги пошла на перрон. Она обнимала всех подряд, и её обнимали и целовали люди. Кто-то нарвал цветов, их передавали друг другу, бросали вверх, как победный салют. И, словно пламя, вспыхивали и падали, не угасая, подброшенные вверх тюльпаны. И хотелось ещё большего счастья. Женщины в серых поношенных одеждах обнимали грубыми руками инвалидов и кричали: «Это вы! Это ваша Победа! Мы победили! Ура! Ура! Ура!»

Многие плакали. Слезы хлынули из глаз Ули! «Хоть бы Аркадий пришёл, только бы живой!»

И пошли потоки эшелонов с военными, возвращающимися с фронтов с боевой техникой, в обратном направлении, через Чу!

Вставшее когда-то намертво время опять ожило и стало набирать обороты! Женщины превращались в жён, дети, повзрослевшие за время войны, снова становились детьми рядом с отцами, а если те не вернулись – рядом с Победой!

ЗА НОВЫМ ПЛАТЬЕМ!

Изменилось лицо земли. Той весной Чуйская долина цвела буйно, как будто радовалась и хотела радовать людей.

У всех появились планы. Хотели не просто одеться как-нибудь, а модно и красиво. Не хватало тканей. Каждый новый лоскут казался необыкновенным. Уле тоже очень нужно было выходящее платье, чтобы бегать на свои «свидания». На работе девушки придумали делать складчину после получки. Их было пять близких подружек. Они набирали сумму, которой хватало приблизительно на два с половиной метра. Счастливица брала деньги и ехала в Алматы на льготных условиях как работник железной дороги. Уля в той девчоночьей очереди была второй.

– К тому времени чувствовала себя уверенно в казахской среде. Когда, принимая меня за свою, заговаривали, я свободно отвечала.

«Ты не казашка, узбечка?» – спрашивали меня. «Русская», – говорила я. И следовало неизменное уважительное: «Русская?.. Ой, бай, хорошишь девушка!»

Нравилось, что знаю язык. Мне и самой было приятно.

В той поездке тоже «несуразное» произошло. В битком набитом вагоне пришлось стоять всю дорогу. Рядом оказался подросток-казах, который распахивался от тяжёлого пути и бросил в лицо обидное по-казахски: «А эта здесь чего забыла, на моей земле?». Ульяна не стала отвечать ему, отодвинулась. Да он и не продолжил, увидев реакцию окружающих. Смотрели с осуждением.

Привезла она тогда узбекский шёлк. Он казался похожим на весеннюю долину в тюльпанах. Пёстро. Матушка сшила наряд. И смахивала Уля в новом платье на совсем азиатскую девушку.

25

– А не было за всё это время у вас более резких столкновений на национальной почве? – задаю давно мучающий меня вопрос, который сегодня не каждому задашь.

– Мамка научила нас первыми уважение проявлять, выше себя любого человека ставить: «От этого ты быстрее поймёшь, какой он. Добрый на добро отзовётся. А если нет – уходи». Были недоразумения, о которых уже упоминала... и думать не стоит. Сегодняшняя обида на молодого человека больше любой той. Свёл Бог какие надо народы, чтобы выжили! В лихое время только человек человека спасёт. Это и без политики понятно.

Ульяна поднимает глаза на работающий, игнорируемый многими пассажирами монитор, прищуривается:

– Что там показывают? Войлок, что ли, валяют?

– Нет! – бросаю взгляд на экран. – Это «Бесмертный полк» идёт. Люди с фотографиями погибших и прошедших войну ветеранов.

Геннадий Семёнович, на этот раз без упора, негромко заявляет:

– Надо этому журналисту, который придумал шествие, за инициативу награду дать.

ЗАМУЖЕСТВО СОСТОИТСЯ

– Шёл сорок седьмой год. Мамка на меня наседать стала, – делится Ульяна. – «Что же ты в перестарках останешься? Маше уже скоро семнадцать. Невеста. Вот-вот замуж выскочит. Семья, дети – нельзя нам без этого, пустая жизнь будет. А ты? Подумай. Пусть и постарше, инвалид, вдовец пусть хоть какой, только чтоб добрый был, не обижал, любил да к детишкам относился, как отцу положено. Мужиков-то война перебила, перекалечила. Чего уж? А жизнь-то идёт...»

Володя, так я его называла после знакомства, был одних лет со мной. На вид... неплохой, весёлый, шегутной – свой в доску, каких много, – в голосе проскользнула ирония. – Он приехал в Чу к родственникам – сам так рассказал. В клуб стал наведываться. Проводил пару раз, а на третий начал сватать.

«Я человека сразу вижу. Ты мне очень подходишь, – заявил мне. – Я бы с тобой судьбу связал. А любовь у нас будет. Мы же молодые. Молодость своё возьмёт».

И что вы думаете? Чувствовала: не возьмёт. А на эти не очень умные слова купилась. Не от

материнской ли тревоги приняла ухаживания случайного кавалера? Посватал. Мамка один на один прижала мою голову к своей груди и запричитала: «Уля, ты хорошо подумала? Куда же я тебя, детонька, отпускаю, на какую жизнь обрекаю? Как же я буду без тебя жить? Может, не надо? Вышла бы за какого местного?» – «Хорошо подумала. Согласие дала. Что же я, не сдержу своего слова? Я не маленькая», – отвечала я решительно.

«Не маленькая! И замуж надо выходить. Да как-то быстро, скоропалительно. Ой, горюшко мне. Да далеко как! Да ничем-то я тебе не помогу, да никак не поддержу! Да и посоветоваться не с кем. Честно скажи: хочешь за него? Что же я смогу для тебя сделать-то? Голова кругом пошла. Был бы отец! – вспомнила, как всегда, в критических ситуациях. – Я тебе вот шаль отдам, пальто выменяла на рынке демисезонное, но тёплое, с подкладкой. А Маша тебе свои боты отдаёт. Это тебе подарки. Денег немного есть. Обещай мне, что обязательно купишь валенки. Зимы там, ситниковские, холодные, я знаю», – мамка говорила быстро, не давая мне вставить слово.

«Правда, мам, это наш Алтай и есть, – успокаивала я её и себя, – почти на родину еду. Ты чего? Не плачь!» – вот этими простыми словами её и себя убедила, уволилась и... уехала... за-амуж. Во-от как!

К НОВОЙ ЖИЗНИ

– О любви мы после этого ни разу не говорили. Целоваться не целовались. Мамка права – замуж выходить надо, а почувствовать то же, что с Аркадием, я не могла и знала это. Однажды, уговорив семью ехать в Чу, верила, что перемены лучше привычной жизни. И в человеке тяга к переменам бывает, и в государстве. Уже всем было видно, что мне пора жизнь менять.

Накануне жених предупредил, что в поезде мы поедем отдельно: «Так надо!» Он дал мне туго упакованный свёрток, который я должна была везти в своём чемодане, но никому об этом не говорить и не показывать.

«Это что, деньги?» – засмеялась я. «Из этого будут большие деньги. Надо, чтоб никто не заподозрил, что мы вместе. Делай вид, что незнакомы».

Так мы и поступили. Сели в разные вагоны – удивили моих. Увидев на лице матери вопрос, махнула рукой и улыбнулась, дескать, всё в порядке.

Путь лежал до Защиты – железнодорожной станции Усть-Каменогорска, оттуда до Зырянска рукой подать. Ехали больше двух суток – медленно и долго. Днём и ночью сидела я, глядя в окно. Там встречались аулы с саманными или глинобитными избушками, заросшими на крышах полынью. Кое-где мелькали мазары – казахские погребения с полумесяцами. Кругом голая, пустынная земля, так что было удивительно, как возникла и функционировала железная-то дорога.

Перед выходом Володя сам подошёл ко мне. Был очень весёлый, довольный, слегка выпивший. Насторожилась. Ох – не люблю-ю выпивох! Особенно горьких! – произнесла сокрушённо Ульяна.

Оказалось, что его встречал товарищ на машине. Успокоилась: «Друзья есть надёжные. Это хорошо!» Отогнала надоевшую тревогу. Когда сели в тесную машину, шофёр (это было понятно по выговору – нерусский) отъехал от вокзала и остановился, протянул, не оборачиваясь руку. Володя показал знаками, что надо отдать пакет. Быстренько нащупала под вещами и подала тяжёлую упаковку. Тот раскрыл её, довольно хмыкнул и засопел: «Ну, джигит! Всё путём! Щас на Межовку, к Цыгану, всё получишь, что положено. Счастливчик!»

Он переложил из пакета себе в блестящий портсигар содержимое, особенно бережно закрыл на защёлку и спрятал в карман. Остальное вернул.

«Победа» промчалась по привокзальным улицам, пересекла железнодорожный переезд и остановилась возле высоченного забора, за которым не было видно дома. Лаяли собаки. На стук вышел человек. Володя исчез в доме, а она осталась в машине. Шофёр несколько раз оглянулся на Ульяну, пронизывая тяжёлым, недобрый взглядом. Ей стало не по себе, хотелось есть и спать. Через час появился, наконец, жених навеселе. Плюхнулся на сиденье рядом с шофёром и потребовал: «Ну, шеф, дуй в аэропорт». – «А плата? За встречу оплатил, а это отдельно». – «Не обижу. Рассчитаюсь. Я при деньгах! Я при невесте. Женой моей Ульяна будет». – «Редкое имя», – отозвался равнодушно шофёр. «Редкое. Да. Хорошая невеста! Понял?» – «Понял. Ты куда? В Зыряновск? К родителям?» – «Само собой. Давай, с ветерком!»

Ей понравилось, что Володя заступился, и она опять почувствовала себя более уверенно.

Стоял сентябрь. И хотя было темно, Ульяна ощущала, что там, за окном, шуршат листья, дует ветер и ночная свежесть усиливается. Мужчины о чём-то говорили, но она ничего не запомнила и не хотела ни о чём думать из-за усталости. Наконец, приехали. Ночевали в аэропорту.

В Зыряновск летели в восемь часов утра на трофейном немецком «Юнкерсе». Было страшно лезть в эту железную машину с крестами на хвосте и фюзеляже. Самолёт был окрашен в угнетающие чёрные и серые цвета с косыми тёмно-зелёными полосами и так гудел, что Ульяна оглохла. От страха сердце в пятки ушло. «Юнкерс» напичкали какими-то грузами, почтой, и туда же, в его брюхо, залезли пассажиры. Внутри он был тоже мрачен. Поместились на боковых железных сиденьях. Уля вцепилась в холодную скамью и зажмурила глаза, когда самолёт взлетал. Перелёт напомнил о войне, Сталинграде, об Аркадии...

Минут через тридцать пошли на посадку.

ЗЫРЯНОВСК

«А на машине пилили бы целый день. Ещё на переправе полдня бы проторчали», – погордился жених. Самолёт сел на специальную асфальтированную дорожку.

Отсюда пошли пешком к дому.

Город напоминал большую деревню. Богатые избы чередовались с избушками, огороженными деревянными заборами. Пастух гнал стадо коров молодым навстречу. Они остановились, выжидая, когда освободится путь. Тянуло прохладой. Купленное матерью пальто спасало Улю от озноба. Володя же был одет очень легко. Там, на юге, это не бросалось в глаза, а здесь он выглядел жалко: за дорогу помялись брюки из какой-то грубой ткани, пиджак выглядел маловатым. Нефасонистая фуражка, натянутая низко на лоб, шарму не придавала. Он курил и прятал руки в карманы по очереди. Замёрз. Ульяна сама несла чемодан. По кривым пыльным улицам, которые состояли из домов на одного хозяина или многоквартирных бараков с палисадниками, откуда выглядывали осенние полужухлые мальвы, они добрались до более благоустроенной части. И, наконец, оказались на городской улице с деревянными двухэтажками из бруса. В одном из таких домов жили Володины родители. На стук открыла

пожилая худенькая женщина во фланелевом халате.

«Володька, ты... ты... приехал? – протянула она растерянно, с остановкой. – Ты с кем это? С барышней? Ну проходите». Она обняла сына, смахнула слезинки.

В квартире было уютно и чисто, то трещал, то говорил, то пел динамик. Женщина, а это была Володина мать, захлопотала накормить. Было очень приятно и немножко стыдно, когда Володя представил её невестой и объявил, что свадьба состоится через несколько дней. Мать поворчала, что он выпил, поинтересовалась, почему не сразу поехал домой, а рванул на юг, к тётке, расспрашивала про родных.

Оставив невесту у родителей, Володя куда-то ушёл. Появился вечером с новостью, что снял квартиру в районе 45-го магазина. Скоро её освободят прежние жильцы, потом можно будет обустроить для себя: побелить и помыть.

Вечером пришёл с работы отец. Первый миг встречи Ульяна не видела – была на улице. Но потом заметила, что между ними были недружелюбные отношения. Кто из них больше сдерживался – не разобрать. Но с обеих сторон сыпались колкости, оба почему-то наступая отступали, как будто чего-то не договаривали.

«А с отцом да матерью посоветоваться?» – «Хм». – «Мы с матерью право имеем знать, – ворчал отец. – В голову возьми, что жить надо как люди. Учёба, работа, семья. Да... и семья. Это уже жизнь взрослого, самостоятельного человека. Всё. Детство кончилось. До скольких лет твоё взросление будет длиться? И сколько ты собираешься на нашей шее сидеть? Любишь кататься...» – «Люблю и саночки возить». – «Умником стал». – «Да уж не дурак... Мне мозги не затрелюешь!» – «Дураки сидят, а такие, как ты, умники новой дурости набираются, университеты кончают, чтобы куда не надо попасть». – «Умные... они у нас лес валят в Сибири».

– Они-то хорошо понимали друг друга, а я ни о чём не догадывалась – глупа была, тупая как пробка, – сокрушается Ульяна...

СВАДЬБА

Когда Володина мать вечером приготовила постель, то оказалось, что в двухкомнатной квартире они будут спать вместе на кожаном

чёрном диване с высокой спинкой. Уля засопровтивлялась. Показалось, что Володя тоже смутился. Это ей понравилось. Он улёгся на кровать-раскладушку, а она – на диван. Но в ту ночь пришёл к ней, дыхнув ещё не выветрившимся перегаром, мягко произнёс шёпотом: «Уля, ну чего уж. Всё равно же моей будешь».

И она не прогнала его, оттого что он был прав, ведь она замуж вышла, и ещё оттого, что не хотела в чужом доме устраивать перебранку и мешать спать. Когда он замолчал и стал настойчиво целовать её в глаза, шею, губы, она представила, что это не он, а её Аркадий. И впредь прибежала к этой уловке. На другой день втихомолку поплакала. Что-то неестественное и оскорбительное осталось от произошедшего. И сама объяснить не могла.

Муж – так Ульяна стала его звать – повёл её в магазин, купил платье и новые туфли: «Чтоб жена у меня была лучше всех!».

Себе приобрёл английский твидовый пиджак, сапоги, шляпу и кожаную тужурку, модную в те времена. Всю эту неделю Володя никуда не отходил от Ульяны и помогал привести в порядок снятую квартиру. Иногда с матерью обсуждал вопрос, на что будут жить. Говорил, что он знает, как надо в жизни приспособиться, и у него есть такие возможности, о которых его отсталые постаревшие родители даже не подозревают. Уля радовалась про себя, что он заботится. Один раз приходили из милиции, но разговор состоялся на лестничной площадке, Володя сказал, что будущей жене был «вопросик». Через неделю состоялась «свадьба» – вечер с застольем, на котором присутствовали родители жёниха и сестра с детьми. Мать Таисья Васильевна сказала: «Тебе, сын, досталась девушка добрая! Я вижу. Цени и береги. Семейного счастья вам желаем от души». После этого муж объявил, что теперь, когда с квартирой всё решено, пора устраиваться на работу. Ульяна написала письмо матери, что всё у неё хорошо. А себе зарок дала быть верной женой, а будущим детям – хорошей матерью.

В РУТИНЕ ЖИЗНИ

Муж гордился квартирой и считал её очень удачным приобретением: не в центре, но и не на окраине, удобная. Магазин рядом. Обещал: как только устроится работать на рудник – так они распишутся. Первые два месяца прожили споккойно. Но молодые не разговаривали, как жить

будут, не мечтали. Отношения быстро стали обыденными и ничего не обещали.

Сначала Володя не пустил Ульяну на работу. Большую часть времени и сам был дома, а если уходил, то по поводу трудоустройства. Ему обещали, то по поводу трудоустройства. Ему обещали, то что-то всё мешало окончательному решению. Какие-то деньги у него по-прежнему водились. Народ вокруг всё ещё много говорил о войне, а муж – никогда. Зато с языка у него всё чаще сыпались легкомысленные прибаутки, грязные анекдоты. Некоторые он рассказывал по многу раз, и Уля скоро знала их наизусть. Вот только повторить не решилась бы. Грубые очень. В голове у неё всё чаще возникал запоздавший вопрос, кто он такой, её муж.

«Деньги кончились», – объявил он спустя два месяца. Уля отдала свои, но их оказалось очень мало. Муж стал жёстче, и она всерьёз задумалась о разных странностях в его поведении и словах. Он собрался и уехал на юг: «Надо же зарабатывать». Через неделю возвратился с деньгами. Бил себя в грудь: «Со мной не пропадёшь! Я жить в этом пропадаем мире умею!» С этого времени начал больше пить, водить домой компании. Постепенно Ульяна начала догадываться кое о чём. И поездка на поезде в разных вагонах, и свёрток, и много денег, и разговоры с матерью шёпотом, и перебранки с отцом – всё говорило о жизни не такой, как у простых людей.

Попробовала расспросить, опять нагрубил: «Не для бабьего ума базар. Обещал, что устроюсь на работу, значит устроюсь. Это пока у меня есть другой заработок. Тебе что, плохо? Не работаешь. Сидишь на моей шее, коза чуйская, мадам жэ-дэ!»

Попробовала дать отпор, но натолкнулась на такое сопротивление, что отступила: «Что значит «оскорбляешь»? Кого я оскорбил? Коза чуйская и есть. Рванула за мной, чуть пальчиком поманил. А ты не согласна, что мадам? Нет? Мужняя жена – мадам. Я тебя не как-нибудь – на французский манер назвал. Возражаешь?»

И начал он издевательски варьировать этот манер в присутствии своих дружков: то «мадам, позвольте ручку», то «мадам, извольте раствориться», то «моя образованная на картофельной грядке мадам».

Ульяна только плакала от обиды, когда муж не видел.

Ульяна не заметила, как опять стала думать об Аркадии. Он никогда бы не сказал такого. Звал её только Улечкой. Слёзы текли ручьём. Но уйти от мужа ей не приходило в голову. Стыдно было и некуда. Решительность ушла в терпеливое внутреннее упрямое выжидание и обдумывание.

«Мне надо зарабатывать», – сказала Ульяна сама себе вскоре и устроилась в пошивочную мастерскую, сначала с испытательным сроком, а потом и на постоянную работу – мамкина наука выручила.

Параллельно ходила на курсы по раскрою – ей легко давалось это умение. Училась больше руками делать, в книжки мало заглядывала, хотя учёным мастерицам завидовала. С первой же зарплаты купила себе валенки, как велено, и успокоилась тем, что может содержать себя, пока муж не нашёл работу. Он ничего не сказал про трудоустройство Ульяны, но обижать перестал. Теперь они жили на заработанные ею деньги.

Перед Новым годом к ним в очередной раз явился нерусский из Усть-Каменогорска. Разговаривали на улице. А вернувшись, Володя сказал, что завтра снова едет в Чу.

Ульяна сделала попытку вмешаться, спросила, когда же он начнёт работать, какими тёмными делишками зарабатывает, сообщила, что у них скоро будет ребёнок. Притворно обнял, заговорщически подмигнул, успокоил примиряюще: «Вот, видишь, как всё хорошо. Ребёнок будет. Может, сын. А о мужских делах тебе не надо знать. Меньше знаешь – крепче спишь. Всё. Последний раз. И к твоим заеду».

Отступила. Захотелось послать маме, сестре и братьям не весточку, а что-нибудь существенное – как раз получила зарплату. На рынке купила мёду, кусочек сала, платок – для мамы, для Вани – школьных тетрадок.

Назавтра муж уехал.

ИЗМЕНА И РОЖДЕНИЕ СЫНА

Он вернулся через неделю или чуть больше, с девицей. Звали её Валя. Жене подмигнул: «Она мне помогла, как ты тогда».

Уля покраснела.

Вале было лет тридцать, не меньше. Девушка заурядной внешности, бесцветная, круглолицая, сквернословила, плевалась, курила и

пила водку. С Улей сначала обращалась пани-братски. Но когда увидела недоумение в ответ на матерную тираду, отстала: «А-а-а, не нашего поля ягода?».

«Не трожь, тяжёлая она, беременная», – пояснил муж.

Первый раз она прожила у них несколько дней. Каждый день они с Володей выпивали, вели разговоры про «чуйку», про деньги и цыган, которые на этом разбогатели. Ульяна плакала у себя в комнате, но когда муж рассказал, что все подарки отдал родным, что они живут по-прежнему, только брата Виктора взяли на срочную службу, опять смирилась. Валя уехала или ушла. Он не давал денег, покупал продукты сам. Чаще лежал дома, выпивая каждый день. В подпитии ходил в магазин за новой бутылкой. Возвращаясь с работы, Ульяна встречала косые взгляды соседей.

Прошла зима, минула весна.

Когда Ульяна была на последнем сроке беременности, в июле сорок восьмого года, он снова ездил в Чу, и опять его помощницей была та девушка.

Они приехали ночью. Володя сыпанул на стол несколько чекушек водки и потребовал еды. Ульяна поставила им варёную картошку, квашеную капусту, порезала сало и ушла спать. Разговора всё равно не получится. Проснувшись оттого, что услышала шёпот, возню, смех в тёмной кухонке. Ничего не соображая со сна, нажала на выключатель и застала парочку...

«Уйди, Улька, не твоё дело. Что хочу, то и делаю. Я – король сегодня! Валя сказала, что я – король», – бахвалился муж.

Женщина вскрикнула от ужаса и отворачивания.

«Что, не нравится? Не нравится? Уходи».

Вскочил. Грубо вытолкал на улицу беременную, в халате и тапочках. Куда идти? К его родителям – далеко. Набралась храбрости, постучала к соседям, что жили через стенку. Открыли. До утра с ней и провозились. Начались схватки. Нашли машину, увезли в роддом. Уля родила мальчика чуть раньше срока – такова была цена потрясения. Назвала сына Иваном. Отца так звали, братишку младшего, пусть и этот Иваном будет. Муж появился, когда её выписывали. Вёл себя снисходительно, разговаривал поучительно: «Ну ты чего, дурёха? Я ж тебя берёг. А этой шалавы больше в доме ни-ни, никогда не будет. Я же живой мужик, молодой! Сама ж понимать

должна! Зато какую качалку новенькую купил на рынке, какие вещи достал для ребёночка. Как у нас его зовут? Ванька! Мужик! Сын. Весь в папку будет!»

Деваться некуда – пошла с сыном... домой.

ЖИЗНЬ – АД

Всё больше погружаюсь в трудную женскую судьбу, которая течёт параллельно с сегодняшним днём. Иногда взгляд замечает берёзовые колки, лесопосадки, перепаханные или просто убранные поля по обе стороны алтайской дороги. Вечереет.

– Лучше бы я не рожала сыночка моего. Грешно так думать. Да настало время прозреть. Соседи и сестра его постепенно размаячили мне, кто он такой, мой муж. Вот я и дошла до дури, о которой вы хотели услышать. Вот как дело было. Муж... Много в нём было грязи! И вокруг него собирались такие же. Сколько же их! Какой стеной была мне и всем нам, детям, мамка!

Пожила Ульяна в самой худшей части человечества.

Раз, обкурившись и наоравшись до хрипоты, муж залез на соседний двухэтажный дом и оттуда сиганул вниз. Ногу сломал. Это стало новой отсрочкой трудоустройства. Но и после этого уходил и не ночевал дома. Говорил, что весь народ отдыхать хочет после войны. И что настоящая жизнь – это удовольствия! Были в Зырянске такие «хитрые избушки» на окраинах, квартиры-притоны, где собиралась шантрапа, там и он надолго «зависал», если не приводил домой никого. Ульяна молила Бога, чтобы он не приходил. Материнство, как и беременность, приносило одну муку!

Всё чаще стали наведываться милиционеры и с ней разговаривали так, как будто она сообщница бандита. Муж пустился во все тяжкие.

Соседка Анна, которая возилась с Ульяной в ту памятную ночь, когда она попала в роддом, рассказала, что муж ещё до войны оказался в тюрьме, что её он «подцепил», возвращаясь из мест лишения свободы. На его совести участие в групповом убийстве в возрасте семнадцати лет. Страшно стало жить Ульяне. А идти некуда. Сынок в качалке. Муж, правда, к нему почти не подходил. А если и приближался, то она уговаривала: «Он спит. Он поел. Не надо его трогать». Муж и не чувствовал своё дитя, как чувствовала его она. Уля догадывалась, что хочет сынок: пить, есть, сменить пелёнку. Муж делал

ему «козу», больно щекотал, и ребёнок захо-
дился криком.

«Занежила! – кричал муж. – Убью! Коза чуй-
ская!»

Оставаясь одна, Ульяна замирала над ка-
чалкой, ласкала малыша и представляла, что
вместе с ней над сыном склонялся Аркадий. Они
любовались Ванечкой, их руки сплетались, голо-
вы соприкасались. Как мягок и ласков был его
взор. Как прекрасно было его изученное до по-
следней чёрточки дорогое лицо. Как чутки были
прикосновения к ребёнку и к ней. Ей становил-
ось легче, она забывала о муже.

Когда муж спустил всё, что выручил от по-
следней поездки в Чу, то «загнал», то есть про-
дал кожанку, потом пиджак и придумал простой
выход: «Ульяна, ты вот что, всё равно сейчас из
дома почти не выходишь, до зимы далеко, давай
продадим шаль и пальто. А я тебе через месяц
куплю ещё лучше».

Уля сжалась от страха и приготовилась к худ-
шему. Такие разговоры заканчивались у них
скандалом, а то и дракой. «Нет! Нет! На тебя не
надеюсь. Мама купила на последнее. Не дам
продать», – восстала она. «Пожалуйста! Прошу
же по-человечески. Я же обещаю вернуть. Ты
чё? Ты чё?» – заорал он. «Не дам!» – ещё твёр-
же возразила Ульяна.

Заплакал Ваня.

«Чё это он плачет? Слышь? Успокой! – разо-
злился муж. – Чё он плачет, спрашиваю?» – по-
вторил снова.

И вдруг с такой силой толкнул деревянную
качалку, что она стукнулась о стену, а ребёнок,
подпрыгнув, ударился о деревянные переклади-
ны, как бы ёкнул и перевернулся вниз лицом.
Это произошло не впервые. Но раньше Ульяне
удавалось схватить руками качалку и смягчить
удар. На этот раз опоздала. Она вскрикнула, за-
плакала, выхватила Ванечку из постельки, при-
жала к себе. Её мальчик молчал, и ей показало-
сь, что он умер.

Муж матерно выругался и ушёл, унеся шаль
и хлопнув дверью так, что взвилась все занаве-
ски. Ульяна оглохла, но не от стука, а от страха
за сына. Почему он молчит? Может, потерял со-
знание? Не отрываясь, смотрела на ребёнка.
Наконец, он очнулся и не плакал, а как-то стран-
но гримасничал, кряхтел и не брал грудь. Потом

его вырвало. Малыш сделался вялым и плакси-
вым. Утром пошла к доктору, и Ульяну вместе с
сыном положили в больницу. Пришлось расска-
зать всё. Прежде чем уйти, она упаковала и
унесла свои вещи к соседям и просила ничего не
говорить мужу. Больше доверять было некому...
Молоко в груди пропало. Ребёнка начала кор-
мить из соски. На третий день утром в больницу
приходила свекровь, вечером – сестра мужа.
Сима плакала и обнимала Ульяну. Таисья Васи-
льевна грустно посидела и произнесла: «Ты же
его сама выбрала, девонька. Что же делать? От-
править тебя к матери?»

Уля слушала и не понимала: то ли винит, то
ли жалеет. Про себя думала, как явиться с ре-
бёнком к маме, которая столько пережила. Она
же и так, как железная, держится.

– А второму сыну говорила и говорю: «Что бы
ни случилось, в какую бы трудную передрыгу ты
не попал, всегда знай, что у тебя есть дом, в ко-
тором тебя, любого, униженного и обиженного,
здорового и больного, счастливого и несчастно-
го, ждёт мать». Всегда надо это детям говорить.
Не дай бог, застесняются да пойдут помощи ис-
кать на стороне. Кто поможет, а кто и хуже сде-
лает. А если такой встретится, как муж, – беда!
Всю жизнь испортит, до гибели доведёт, – итожит
Ульяна.

Через несколько дней муж пришёл в больни-
цу, трезвый, с покаянием:

– Пойдём. Не обижу больше. Без тебя плохо
дома. Я уже выхожу на работу. Всё хорошо будет.

И когда их выписали, она опять пришла... до-
мой. Муж взял на руки ребёнка. Усадил жену за
стол. Кормил чем-то из магазина и опять каялся.

Утром ушёл и не приходил несколько дней.
Загулял – про работу он сказал неправду. При-
бегала его сестра: «Эх! Если бы он сейчас был
дома, я бы ему задала! Это мой брат, но не мой
брат. В кого он такой уродился? Ты вот что. В
случае чего – зови меня. Я не как родители.
Я его нисколько не боюсь. Надо мной ему не
куражиться!»

РАЗРЫВ

– Как-то его не было около недели. Наконец,
явился. Я была с сыном дома, как всегда, од-
на, – вспоминает попутчица.

«Ну ты что, Уля! Не узнала? Это я, твой муж.
Открой».

Пересилила страх, молча открыла дверь. «Есть хочу».

Зашёл и, не раздеваясь, стал есть суп из кастрюли, стоящей на печке. Небритый, помятый, как из помойки. Неужели жизнь забулдыги может нравиться? Он хлебал суп и приговаривал: «Ванька, сын, папка проголодался. Ну-ка скажи мамке, чтобы накормила».

Он, действительно, был голоден. Но когда наелся, стал требовать покурить. Дома ничего не было.

«Дай валенки, а? Ну дай! Курить нечего! Пойду обменяю в одном месте».

Стояла перед ним, закрывая собой качку, заслоня сына. А он куражился: «Что, на защиту встала? Зоя Космодемьянская? Или нет, ты же Ульянка Громова! Ну-ну, а если тебя пощекотать?»

Володя вытащил нож.

Я не знала, что он носит с собой такое, и не видела его раньше. Он показался огромным, страшным, и я закричала от ужаса: «Убийца! Уходи от нас! Лучше не иметь мужа и отца, чем иметь такого, как ты!»

Он схватил меня за волосы... Муж грязно выругался, замахнулся ножом с такой силой, что я опять закричала, как перед гибелью. Он побледнел, желваки заходили под кожей, глаза засверкали, как у сумасшедшего. Заплакал сын. В стену настойчиво колотили соседи. Они обещали, что, услышав очередной скандал, вмешаются. Так и сделали на этот раз. Это или напугало его, или вывело из приступа гнева. Он взвыл, как зверь, отвёл нож, схватил валенки и выскочил на улицу.

Я рухнула около качалки на пол. Когда забежали соседи, подняла голову, но не в силах была произнести ни слова. Они усадили, напоили водой, что-то говорили. Но я ничего не понимала. Когда стало получше, показала знаками, что они могут идти. Взяла ребёнка, который уже давно плакал на руках у соседки. Заперла дверь, как только Ваня уснул, тоже легла на кровать и закрыла глаза.

Душа кричала, рыдала, но изо рта не вылетало ни одного живого звука. Кому было пожаловаться, кому поплакаться, как освободиться от этой тяжести? Вызвала образ Аркадия и плавно вернулась в свою любовь. Аркадий бежал по усыпанной цветами долине, как на экра-

не, и никак не мог добежать. А я не отпускала его, чтобы не остаться одной. Так прошла эта ночь. Не смыкая глаз, я смотрела на него и не могла насмотреться.

Муж не пришёл. Утром взяла остатки заработанных денег и пошла в магазин купить хлеба и ещё чего-нибудь. Завёрнутого в одеяльце Ванюшку несла на руках.

Выстояв очередь, протянула деньги, но к своему ужасу не смогла назвать, что нужно, из глотки раздалось мычание. Кто-то засмеялся. Продавщица поняла, в чём дело: «Успокойся, Уля. Тебе хлеба? Молока? Сахару?»

Кивнула. Продавщица взвесила килограмм сахара, налила в банку молока и подала булку хлеба.

Зашла к соседям показать, что голос потеряла. Они сообщили Симе, и та, придя в обед, забрала нас с Ваней к себе.

«Давай-давай, собирайся. Я тебя этому зверю не оставлю. Мать с отцом измучил, себя изуродовал и тебе жизнь испортил».

Собрала кое-какие вещи и пошла за ней. Сима привела в свою квартиру. А вечером принесла настойку брома. Первый раз напоила насильно. Потом я поняла, что с этим легче, и стала пить сама.

ВАНЕЧКА

Искусственное вскармливание Ванечки было хлопотно, но в больнице выписали детский продуктовый бесплатный паёк, и ему хватало. Заговорила я через неделю. За это время раз прихотился муж. Вернуться отказалась.

Ванечка рос слабеньким, плохо ел, у него развились припадки. Занималась им день и ночь, то сама бежала с ним в больницу, то вызывала врача. Но Ванюшка отставал в развитии. Ему исполнился год, а он ещё не вставал на ножки. Отцовские трёпки, особенно когда он качалку о стену долбанул, сказались. Всё внутри сотряслось у маленького – вот и не мог он расти нормально. Да ещё был не раз напуган скандалами.

Прошло восемь месяцев, как мы жили у Симы. Во время вспышки малярии сын перестал есть и за несколько дней сгорел... Умер.

После похорон вышла работать в пошивочную. Снаружи была целая, а внутри рваная. В сердце – дыра.

ЖИЗНЬ – ДОРОГА ЗАВИСИМОСТЕЙ

Мы в Барнауле. Пересекаем красавицу Обь по мосту – шедевру современной архитектуры. Предвечерняя старинная и обновившаяся столица Алтая встречает шумом.

Минувя мост, видим слева парящие золотые купола православного храма.

Ульяна осеняет себя троеперстием, произносит «Спаси и сохрани!» три раза и шепчет мне:

– О душе вспомнить срок. Грешницей прожила. То храмов не было, то священников, Библию взять было негде. Появилось всё – уж стара стала. Завидую, у кого время есть всё понять. Некоторые и понимают, а не так. Просто боятся, что им лучшего на том свете не достанется. Тут живёт сейчас третья дочь той самой Симы, сестры моего мужа. Зовут Алевтина. В банке служит, в начальствах ходит. Богатая! По заграницам отдыхат! Я как-то беседу с ней завела: «А когда все такие богатые будут, как ты?» – «Никогда! Чтобы некоторые жили богато, надо, чтобы большинство жило бедно. Чтобы кто-то был сыт, многие должны быть голодными! Закон такой!» – «Это где ж такой закон прописан?» – «Жизнью прописан. Вам его уже не понять!» – «А правдой или неправдой живут по этому закону?» – «И правдой, – говорит, – и неправдой! Лишь бы на высоте!»

– Это я понимаю, как с приватизации началось, так и идёт.

«А в храм, – спрашиваю, – ходишь?» – «Хожу. И жертвую немало. Вы столько не сможете».

Не стала больше с ней разговаривать. Поняла, что у неё душа болит, раз в храм ходит. Туда – со грехом и оттуда – тоже. Как время и деньги сравнивали, так душу и деньги. Или что хорошо, что плохо не надо уже различать в наше время? Я хоть и старая, а вижу: может народ, меру потерявши, ослепнуть. Вот возьмём... Муж мой, алкоголик и наркоман, как мы расстались, с друзьями ограбил 45-й магазин – рядом с которым квартиру снимали. Сторожа они убили. Так и сел снова. В тюрьме и помер. Родителям весточка была. Сима узнала, поплакала, а я – нет. Его жизнь ни от меня, ни от семьи, ни от самого государства не зависела. Неутверждённая, губительская душа у него была, и у Алевтины этой... такая же. Слова её как вражеские... Да разве ж можно против целого народа заявлять? Грех-то какой! По её выходит, что народ-то во всей жиз-

ни ни при чём? От него уж ничего не зависит – или как?

– Неутверждённая? Это что значит? – интересуюсь, пока игнорируя трудный вопрос.

– Некрещёная, по законам Божиим не живущая, – отвечает без запинки.

ЖИВУЧИЙ РОК

– Мне хорошие люди в жизни больше встречались. Помощь получала. Серафима вот... Она была старше меня на восемь лет. Военная вдова. Её сыну, первенцу, исполнилось десять, дочке – семь. Олежка ходил в третий класс, Наташа – в первый. После школы оба бежали к бабушке. Сима работала на фабрике. Вернее, тогда это была обогатительная линия при руднике, смонтированная ещё его старыми дореволюционными владельцами, Гумбольдтами. Никакого прироста не давала. И поэтому власти решили после войны строить фабрику.

«Даже я пошла учиться, а ты моложе меня! – убеждала Сима настойчиво. – Потребуется лаборанты, рабочие, другие специалисты. Открываются разные курсы. Вместе с фабрикой строятся дома с благоустроенными квартирами. Недавно слушала Султинского. Много наобещал! Будет применяться флотация для обогащения руды. Это дешевле, проще, безопаснее. Пойдём».

Убедила она Улю. И та стала одной из многих, кто учился на курсах флотаторов и место работы себе готовил – строил фабрику. Вскоре получила однокомнатную квартиру.

За Симину веру, доброту, за готовность трудиться ей была предназначена вторая любовь. Как-то она позвала Улю в кинотеатр «Родина» на сеанс фильма «Цирк». Там и нашли их два молодых интересных. После сеанса разошлись в разные стороны.

Ульяна с Василием шли по площади. Вдали темнели терриконы.

«Уля, чувствую, что вы немало пережили, хотя и молоды. Забудьте прошлое. Мир! Именно этого ждала страна, ждали все, ждали вы. Нет войны. Всё теперь будет хорошо! Будет много счастливых людей. Как мне нравится вот так брести с вами и знать, что не будет выстрелов и взрывов ни сегодня, ни завтра – никогда!

Тишина, покой, надежда. Улыбнитесь!» – говорил Василий.

И Ульяна опять задумалась: её любовь к Аркадию – хорошо это или плохо, умно или глупо, мешает или помогает. Если бы все эти вопросы ей задали после его гибели, она бы не стала отвечать. А теперь...

Красавица Сима однажды влетела в прихожую Улиной квартирки, как свежий ветер. Показалось, что она нашла клад и по своему добролюбию готова поделиться с любимым, кто попросит об этом. От её счастливых глаз становилось светлее вокруг. Что делает любовь!

«Как я тебе? А?» – покрутилась перед трюмо. «Хороша! Но я тут ни при чём? По-моему, это Сергея надо спрашивать». – «А мне придётся тоже у Василия выяснять, да?» – «Ни в коем случае. Мы договорились не усложнять». – «Договорились? Нет, это противоестественно. Встретились – сближайтесь. Присмотритесь друг к другу. Дуракам ясно, что вам надо сближаться. А?» – «А мы умные, и договорились, – сопротивлялась Уля. – Я не могу так легко сблизиться с мужчиной». – «С Володькой сходилась – не шибко думала!»

Сима хохотала и шептала на ухо непристойности.

Уля с трудом погасила обиду.

«Живым – живое! А?» – стояла на своём Сима.

Настойчивость и терпение Василия сделали своё дело. Когда он предложил в очередной раз сойтись, она согласилась. К этому времени всё знала о нём: кто родители, какая семья. Знала, что работает в милиции, что его жена была медсестрой и погибла на войне.

Сима всякий раз уговаривала: «Ульяна! Упустишь – не прощу. Как удобно иметь милиционера под рукой, ты ещё не поняла? Крутой мужичок и собой хорош. Выправка какая, а?!»

А Уля, прежде чем сойтись с ним, дала ему устную инструкцию: не пить, желательно не курить, не материться, для пьянки компании не заводить и её с ними не знакомить, работать, относиться с уважением. «Где расписаться?» – спросил он нарочито серьёзно. Она глянула с укором, а потом подумала: «Имею ли право?».

«Я же не просто так. Ты мне нравишься как женщина и как человек. Я постараюсь».

Не успело расцвести это счастье. Во время захвата бандитской группы в Zubовске, Василий был тяжело ранен и умер в больнице. Ульяна даже не закрыла ему глаза. Ох и тяжело было, ох и больно! И корила себя и корит до сих пор, что эту любовь приняла так осторожно и время тянула. Аркадия любила без расчёта, а первая замужняя жизнь сделала её трусливой. Теперь вроде обдуманно, а снова не так.

– Виновата. Как я была виновата! Потеряла всякую надежду! «Для всех вокруг наступили счастливые времена, но не для меня» – повторяла и повторяла это себе, как заведённая, слёзы переполняли меня всю, но я не плакала. Сима сказала спустя сорок дней после похорон, покачив головой: «Уль, ну что ты? Ну нельзя так долго держать в себе горе. Оно утопит тебя. Хватит, дорогая моя. Никто не виноват. Мы, женщины, сильные люди, а?»

Так и слышу её это «а» – как вроде, настаивая на своём, с тобой советуется. И как тут ответить отказом?

Ульяна невольно вздыхает и продолжает тащить свою судьбу на свет, рассматривая со всех сторон:

37 – Я не жалею – так было! Счастье вьётся мотыльком, унесётся ветерком, а то бурей со всей дури. А она-то, дурь, такая доморощенная, такая-растакая! У меня – всё бурей было!

Тогда так и решила. Всё, мол, ничего хорошего уже не бу-удет! Не суждено-о! Поезд ушёл! Судьба потеряла управление, сбилась с пути и мчится по бездорожью. Видно, счастье моё безжизненное, Богом непризнанное. Но почему?

И тогда я первый раз пошла в церковь сама. Мать, что ли, перед глазами была да её тихие молитвы. Встала я перед иконами и молилась своими словами, как слепая, не поднимая глаз: «Я схоронила сына. В том ли грешна, что, потерявши любовь, без любви вышла замуж? Не за мой ли грех погиб невинный мальчик? И любимый мой, давший мне поддержку и новую надежду? То ли я ищу, Господи? Чем искупить мне мои прегрешения, чем привлечь добро на свою сторону? Почему счастье мимо меня идёт?» Всё чистосердечно рассказала Господу, что людям не расскажешь, и почувствовала облегчение, будто силы кто новые влил.

– Но ведь и люди приходят друг другу на помощь? У вас вот Серафима как добрый ангел была.

– По воле Божией. Я знаю. С человеческой поддержкой соскользнёшь, быват, и не заметишь. С той поры и молюсь. Помогат мне. У каждого человека встреча с Господом по-своему случается.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

– Весной пятьдесят первого года поехала в отпуск в Чу. Маша писала, что замужем и должна вот-вот родить, Виктор отслужил. А любимый братишка, Ванюшка, оканчивал казахское сельхозучилище и хотел учиться в техникуме, по-казахски и читал, и писал – в работе ему пригодилось. И я до сей поры по-казахски много устно понимаю. Концерты люблю смотреть. Домбру люблю.

Обняла маму, слёзы ей вытерла. «Худенькая ты какая, Уля!» – всё повторяла она и гладила меня по плечу. Я прижималась к ней и замирала – отрываться не хотелось!

Сразу рассказала о Зырянковке, о том, что можно получить квартиру, если пойдёшь работать на рудник или на фабрику. Виктор, совсем взрослый, возмужавший после срочной службы, первый предложил переехать: всё-таки промышленный город, снабжение хорошее и семья будет в куче. На том и порешили. Маша уговаривала Руслана. Он работал в милиции. Пришёл дядька Кадыл, тоже обнял, вспомнил, как работали на стрелке вместе, как однажды непонятное распоряжение получил: то ли переводить стрелку, то ли нет, а военный состав – близко. Уточнила, во всю прыть мчусь, вижу, не успею – ору, машу, показываю «не переводить». Когда добежала, еле дыша, он стоял бледный, с его-то загаром. «Спасла ты, дочка, меня! Думал, всё – отбежался! Теперь мы и вовсе родня! Никогда не забуду!»

Долина Чу цвела. И небо было такое высокое, ясное, чистое. Красиво. Ехала и думала, что люблю долину, как и коренные казахи. Говорят, что когда помрёшь, то душа в первые дни посетит все дорогие места – моя точно между Ситниками и Чу метаться будет, с залётом в Зыряновск.

Единственный из всей нашей семьи, кто вернулся к крестьянскому труду, – Виктор.

В пятьдесят втором году неженатым в Ситники уехал, потом и мамку забрал туда, когда вто-

рой раз женился. Его старший сын (от первого короткого брака) и сейчас крестьянствует – хлебороб.

Навещала и я Ситники наши несколько раз. Сильно тянуло меня туда. Помню: первый раз сама, без помощи Виктора, нашла место, где раньше была наша изба... и клёны, что росли в конце огорода. Постояла около них, послушала. Будто ожили знакомые голоса, в первую очередь отцовский басок, родной его смех. Долетели сельские понятные звуки: мычание, лай, петушиное кукаре-еканье. А ещё дорогими показались запахи земли, травы, деревенского подворья. Сердце сжа-ало-ось. Три улицы с переулочком от селения осталось. И хоть съёжилась моя малая родина – деревенька моя – а жила, и просторы-то алтайские не уменьшились, и любовь ко всему так вот в сердце и прикипела.

СЛЕДЫ ВОЙНЫ НА МАЛОЙ РОДИНЕ

– Много разного от Виктора узнала в первый приезд в семидесятом году, – делится Ульяна. – С сыном ездила. Хотите, расскажу?

– Конечно хочу. Сами-то вы не устали?

– Да нет! Могу ещё! Столько всего произошло! Время шагает – следы оставляет: то места заденет, разворошит, то судьбы людские. Лёгкие времена летят – чуть следят, трудные тяжко идут, борозды кладут. Для нашего поколения война – главная борозда.

Когда она была в разгаре, осенью сорок второго года, старенькая Матрёна (наша бывшая соседка, царство ей небесное), страдая от голода, ночью пришла на колхозный ток и давай из кучи насыпать в мешок зерно. Набрала и стала звать сторожа, который сразу её не заметил. Говорит ему: «Не могу поднять и унести». Видно, от голода рехнулась окончательно. Тот перепугался, председателя по телефону вызвал. Пришёл Николай Иванович не один, а с бухгалтером. «Ты что, бабка, с ума сошла?» – «Отошла совсем. Помру, если не дадите».

Что делать? Проводили её до дома. И зерно унесли, отсыпав половину. Предупредили старую, чтоб язык за зубами держала. И вот после этого бухгалтер, инвалид, чтобы помочь крестьянам, начислил на трудодни вместо денег пшеницу. Не смог терпеть и смотреть на голодных. От доброты не выдержал. А ещё и наглость некоторых начальников подтолкнула – они-то с хо-

35

зайств для себя брали, не стесняясь, то мёду, то пшенички на муку. Так они с председателем договорились, объяснили всем, что отдадут заработанное. А план-то сдачи зерна не выполнен. Нашёлся, кто донёс о расчёте куда следует. Вскоре из Баева или из самого Барнаула дали тому бухгалтеру, Семёну Петровичу, знать: в ближайшее время приедет за ним «чёрный воронок». Он догадался, что ждёт его тюрьма, а то и смерть за это преступление. За горсть зерна садили на три года. Проводил жену вместе с тремя детишками из дома к родственникам. А сам на кровати под одеялом из именного пистолета застрелился. Посчитал, что семье живого «врага народа» будет тяжелее. Как душа его рассудила, так и сделал. Всю вину на себя взял и... ушёл. Все концы, как говорится, обрубил. В бою выжил, а тут гибель добровольно принял. Вот какие люди на Алтае бывают!

«Ещё сказывают у нас тут, как человека родина домой тянет. И такая в этом сила, что немислимое преодолеть можно!» – сказал Виктор сестре. «Чего тебе-то об этом говорить. Сам такой!»
«Да. С этим не спорю. А одна история периода войны со мной связана».

АЛТАЙСКАЯ БЫЛЬ

И рассказал он сестре алтайскую быль:

«Во время Великой Отечественной войны занесло на Алтай волею судеб одинокую женщину с ребёнком. Произошло это летом или под осень сорок третьего года. Стояла жара, как в Азии. Маревое сгущалось над дорогой. Ни зверя, ни человека. Кругом степь да неизвестный путь. По мере движения даль отступала, открывалась, но не давала никакой надежды на хотя бы временный приют и отдых.

За спиной у женщины был мешок с вещами, на руках – годовалый ребёнок. Она продвигалась по России от самой западной границы, откуда бежала при наступлении немцев. Все её родные погибли под бомбёжками, и осталась в живых она одна, на сносях. А родом-то из наших мест была – на самой западной границе жила. И родила в пути, и растила сына, оставившись ненадолго, и толкали её обстоятельства вперёд, как ветер перекаати-поле. Звала она ребёночка просто: «Сын». А когда её спрашивали почему, отвечала: «Вот дойду, где мой дом, тогда и имя придумаю. На родной земле нареку».

На тот момент у неё не было еды, а ребёнку она могла дать только пустую грудь да водичку в ладонях из водоёма, какой встретится. Устала и обессилела мать до того, что уже мысли мешались и наступало опасное к жизни равнодушие.

И вот остановилась она в таком состоянии, посадила ребёночка на обочину и пошла вперёд одна. Идёт и понять не может: то ли душа в ней рыдает с причётами, как над покойником, то ли земля воет вокруг. Через полчаса очнулась. Бросилась назад. На подходе к тому месту, где дитя оставила, видит: сидит её безымянный сыночек и пыль пересыпает. Поднял глазки на мать, встал на ножки, пошёл ей навстречу. А сам слабенький, шажок сделал и на попу шлёпнулся. Сидит и ручками её с нетерпением манит или просит что-то, кулачки сжимает и разжимает. Подбежала без памяти. Схватила, прижала к себе, слезами облилась. Дальше понесла. И так за дорогу несколько раз происходило.

Последний раз, когда у неё уже галлюцинации начались, брела без сыночка на руках, а перед глазами он у неё будто сидит на дороге, пыль пересыпает. И вдруг услышала над собой пенье жаворонка, очнулась. Не жаворонок это, а голос дитя её. Глядь, а сына на руках нет. Будто то её назад поворачивает.

36

Бежит обратно из последних сил. Видит – в сумерках уже – ребёночка своего и плач его слышит. Немного до него осталось. И тут замечает она группу волчью, которая с противоположной стороны к ребёнку подходит. Облезлая серая самка и два подростка. Ещё быстрее устремляется мать навстречу опасности. Ужас охватывает её. Мысли в голове мечутся беспомощно.

Упала в пыль, дитя собой закрывает, руки раскинула, страшная, замученная. Животина на брюхе ползёт по сантиметру, волчата – за ней, на расстоянии. Повторяют движения, учатся охотиться, как им положено.

Хочет мать крикнуть и не может слова выговорить – от молчания да жажды сохлось горло. Но вдруг звук вылетел из её глотки, и на плач, и на вой похожий. И кажется ей, что это не только она, а сама земля с ней вместе возопила. Остановилась серая, упёрлась взглядом в человечьи глаза, увидела, что перед ней тоже мать и что она будет дитя защищать с таким же упорством, как любой зверь. Повернулась и побежала прочь, уводя за собой волчат.

Женщина встала, с трудом подняла ребёнка на руки и вскоре вышла к деревне. В крайнюю

избу постучала. Пустила её одинокая старуха – алтайка, приютила, дала отдохнуть. А когда услышала, что произошло с нею на алтайской дороге, сказала:

– С добрыми не свершится злое. Это Алтай такой! Принял он тебя и сына твоего! Защитил вас!

Тут и осталась жить. А ребёночка своего назвала – Алтай. Если люди слышат это имя или отчество, от него образованное, вспоминают сразу спасённого Алтаем, по воле Божией, человека!

И вот, веришь, сестра: то из одного места, то из другого нет-нет да прилетит весточка, что живёт там или там – Алтай. Люди рады этому! И я рад, и жена моя Рая».

Помолчали.

«Тут ведь вот какое дело, сестра... Женщина эта... моей тещей стала, на её дочери я женился. Сына её, брата моей жены, нет уже в живых – погиб за родину на Даманском в шестьдесят девятом году. Попробовали тогда откусить нашей земли опять. Такие вот, как Алтай, защитили. Никому не говорю, и Рая не скажет. Пусть живым в памяти людской остаётся! Ты видишь – легенда, а чистая правда!»

КТО СОЕДИНЯЕТ ЖИЗНЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

– В девяносто седьмом году последний раз с ним виделись. Долго у прясел в огороде простояли, на зарю смотрели, в одну душу слились, как у меня раньше с братишкой Ваней было. А ещё – осень тогда была звездопадная, потому и запомнилось. Жизнь падучею звездой Виктор назвал. На могилки родителей в тот день ходили. Загадывала мама в родной земле лежать, так по её и вышло.

«Да, жизнь крута и коротка, – говорил брат. – То внутри – давит всласть, то снаружи – всем пропасть. Вот и выбирай». – «Народ время да власть ругает, а всё живёт да перемогает», – говорю ему.

«Это ты, сестра, по-бабьи рассудила. Это раньше перемогали. А теперь... Махнул рукой. Народ сильно изменился. И бабья суть поменялась, и мужицкая. В городах особенно. У меня старший здесь, а младший на золотых приисках! Земля ему тоже нужна, но иначе, не по-крестьянски! А меня она поддерживает. Силу даёт! Кто привык на земле-то жить, чувствует. Весной, веришь, жду, когда пар от неё пойдёт. Не

надышусь ведь! Покой почувствовал, как сюда вернулся. Народ всё легче от земли родной отрывается. А зря! От земли мне подобный отрвётся – тревожиться будет, а заменить нечем! Как возликовал я, когда Михаил Евдокимов-то на Алтай вернулся. Ну, думал, начинается для деревни обратный процесс. А чем закончилось? Мало нас, с землёй повязанных, – пора законом охранять!»

В тот раз Виктор спросил меня: «В церковь-то ходишь?» – «Хожу». – «А за Ваню молишься?» – «Молюсь, – говорю, – как же. И за него, и за тятю с матушкой!»

«Молись. Как я помру, и за меня тоже помолись. Не научился я этому, без чего народ прежде не обходился. Может, это первая потеря наша, а земля – вторая. И кто-то такие параллели душе даёт и мне такую душу сотворил!» – «На последнем отрезке пути я тебя обгону – ты младше!» – возражаю.

А он настаивает: «Обещай! В своей земле да с твоей молитвой, как с материнским благословением, отойду». Умер раньше меня... Исполняю обещанное. Может, для этого меня Бог путями разными водил и для этого сберёг? Вот оно как связывается.

Между тем ночь идёт на убыль. Луна, сопровождавшая наш рейс, стала бледна. А душа, переполненная впечатлениями, довольна и счастлива.

Позади остаются последние сосновые боры – живая зелёная аура Барнаула.

И вот начинаются тёмные полосы смешанных лесов... Мы едем по Гурьевскому району Кемеровской области. Какие и здесь богатые лесные массивы! Прекрасные в своей свободной дикости, потеснённые людьми, но всё ещё огромные! Земля живёт и знает своё дело!

КТО ДЛЯ ЧЕГО ЖИВЁТ И ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ СЧАСТЬЕ

Наши молодожёны-попутчики завозились – готовятся сойти на следующей остановке, предупреждённые Николаем. Ая заметно тушует. Влад терпеливо увещевает:

– Всё будет хорошо!

Автобус въезжает в молодой шахтёрский город Белово по освещённым улицам к автовокзалу. Короткая остановка выманивает на свежий воздух нескольких пассажиров. Все, кто не

спит, невольно обращая внимание на встречу. Первым распротёр руки высокой, седой мужчина, сгрёб и сердечно обнял обоих. Девушка, как воробышек, замерла в этих объятьях, а когда свекор отпускает их, все видят её смущённое личико.

Мать – представительная дама, обнимает сына, невестке пожимает руку.

Другая дама, преклонной возраста, в кардигане и чёрной фетровой шляпке без полей, с опозданием вылезает из машины, обнимает внука и, чуть отведя в сторону, что-то говорит-говорит ему. Айя отвечает на вопросы родителей. Старуха те-ребит тубус в руках Влада, запальчиво что-то доказывает и вдруг тянет его к себе. Он распадается, разлетаются листы ватмана с рисунками. И все видят на них наброски портрета Айи. В открытое окно долетают обрывки разговора:

– Ты уже никого не видишь, кроме неё. И за-чем ты за ней помчался?

– Потому что она мне дорога! – отвечает Влад

– Дорога?!

Влад собирает листы ватмана, не теряя присутствия духа, сворачивает в трубку, чтобы засунуть в тубус, и с тревогой оборачивается на Айю. Она направляется к автобусу. У неё напряженное лицо. Поднимается на ступеньку. Кто-то тихо ахает.

– Дурдом какой-то! – произносит Игорёк.

– Слушай, какое им дело, родакам? Не им же жить? – возмущается Саша.

Шофёр Коля, не торопится закрыть дверь и отъехать, хотя последний из гулявших пассажиров уже на ступеньке.

– Прекратить... средневековье! – кричит отец.

Он бросается за Айей, мать делает несколько шагов к автобусу. Они буквально под руки снимают упирающуюся девушку. Дрогнуло женское сердце.

Влад прижимает любимую к себе:

– Ей нельзя волноваться, – упрекает он встречающих.

Коля закрывает дверь:

– Ничего, ничего. Отец всё на место поставит!

– Да и Влад – надёжный парень! – добавляет кто-то.

Батюшка сдержанно молчит.

Геннадий Семёнович идёт по проходу (он влез в автобус последним), приостанавливается возле батюшки:

– Ну что, батюшка, скажете? Православный и мусульманка. Грех ведь, а? Или как?

– Неисповедимы пути Господни, – отвечает тот, – для искупления все живут, даже если не видят этого.

– А вы, батюшка, тоже? – не отстаёт мужчина.

– Все. И я. Я – по собственной воле... род свой спасаю, – батюшка отворачивается, считая, что всё этим сказано. Руки его перебирают чётки.

Автобус притих.

– Значит, родившись, ты уже начинаешь жить для искупления, будто жук, насаженный на иглу? Родился – и сразу попал в зависимость? Да-а? Смирись, не рыпайся! А как же личное счастье, по-вашему? А народное благо?! – распалается Геннадий Семёнович.

– Их ещё в лицо узнать надо, личное счастье и благо! – парирует батюшка. – А смирение непонятно вам. Быстро не объяснишь, в чём его польза для себя, семьи, общества и государства.

– И как это оно такому огромному государству, как Россия, поможет?

– Оттого и огромное, что изначально народу смирение присуще.

Батюшка замолкает, а Геннадий Семёнович по-петушиному наскაკивает:

– А я вот несмиранный, многим счастья хочу, не только себе. Дурное, которое вне нас, сокрушаю, – неожиданно он употребляет это скорее церковное слово, – борюсь, а вот вы, батюшка, внутри боретесь. А что лучше?

– Ни то и ни другое! Успех, деньги, власть, – вставляет Игорь. – Добро тоже надо материально обеспечивать! И никакой борьбы, ни внутри, ни снаружи. Мы по этой формуле будем жить. Наше время это диктует. И если не отвлекаться от главного, всё сложится.

– По формуле... А пусть тебе жена попадёт-ся, которая такая... ну, о-очень современная, аж голомурдая, – прищипила Ульяна.

– Лучше не надо! – с притворным испугом возражает Санёк и даже отмахивает такую беду руками от себя.

Салон хохочет вслед за Геннадием Семёновичем, голос которого слышится громче остальных! Батюшка смеётся тоже, изумлённый таким простым и смышленным подходом в разрешении спора.

СОН – ВО ВРЕД

– Самое страшное в жизни, когда кровные связи рвутся и люди друг друга не понимают! Нам хоть бы этому научиться: друг с другом жить – прав батюшка в этом, – произносит Ульяна, когда мы отъезжаем.

– Да разве у вас такое могло быть? Ну... вот вы... с мамкой росли, добрейшей женщиной. Всё это она и вам передать должна. И сколько я вас слушаю, остаётся впечатление, что семья ваша была дружной, отношения – хорошими и безоблачными.

– Вот я и говорю: «тем страшнее». И разве у вас такого не случилось за всю жизнь?

– Случилось, – говорю – и рассказываю ей свой сон про скорпионов с предысторией.

– Вот-вот. Только ваш сон дурного не принёс, наоборот, как бы всё расставил на свои места, а мой стал причиной разлада. Приснился он, когда Маша с Русланом у меня жили, переехав в Зырянковск. Вижу... будто напала на меня рыжая собачонка. Чистенькая, хорошенькая. Свалила меня на бок и сосёт грудь. Мне неприятно, но не больно, только чувствую брезгливость, а оторвать её от себя не могу. Проснулась. Возьми да расскажи сестрёнке. Одна, знающая, размаячила ей, что этот сон совсем не простой. Рыжая собака – «свой человек, родня, то есть вы», а сестра твоя, мол, думает: «Сколько же меня родственники сосать будут – пользоваться мной?». Маша – Руслану, матери рассказала, и... началось в семье бог знает что. Всё испортилось. Стоило только мне на помощь прийти, как сразу слышала: «Не надо. Мы уж тебе надоели». Я и так подстроиться пытаюсь и эдак, помалкиваю, делаю вид, что всё по-прежнему, прикидываюсь дурочкой – а дела всё хуже.

А однажды скандал мне Машутка закатила по пустяку. Я – ей: «Иди погуляй, сама ужин приготовлю. Скоро Руслан придёт с работы». – «Пойду-пойду. Не знаешь, как меня выпроводить? Вот-вот совсем от тебя уйдём». – «Я и не думала об этом. Да разве первый раз я ужин готовлю, а ты с детками гуляешь? Тебя жалею».

Дёрнула она плечиком: «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву. Не верю в твою жалость и в твою помощь. Ты завидуешь мне, что у меня муж и дети, а ты ни с чем. Поскорее бы от тебя уйти. Подвиги она совершает! Долг она выполняет! Своей жизни ума не дала! И нашей дать не можешь!»

Сколько слёз я потихоньку вылила. И мамку просила развязать этот узелок.

«Да чё ж, доню, разве не так? Потерпи, маленько осталось. Уйдут скоро», – сказала она мне. За всю жизнь до этого и после, до самой своей смерти, она мне ничего обидного ни разу не говорила!

Вот я ночами лежу и прикидываю, откуда взялось, что они мне не нужны, что надоели, что мне жаль чего-то для них. Я столько любви в своём сердце носила ко всем им, а в него будто нож воткнули. Смирилась. Делаю что могу, что от меня принимают и помалкиваю. А извелась вся, ночами не сплю, чёрная сделалась, улыбаться разучилась. Вот тебе и мелочь! На годы развёл сон-то. Что смирения нам не хватило – дошло до меня через много времени. А виновата – я. Господу молилась – знать должна. Маша в церковь так и не завернула. А если бы я смирилась, сама – к ней. Греха на мне меньше бы было. Как уезжала, только и обнялись. Вдовою уже живёт!

Полоснуло по сердцу – у меня так же: после сна – обида, мучения, развод на годы. Исправить надо. А хватит ли душевных сил? Становится жаль себя и Ульяну и хочется как-нибудь помочь – глажу её по спине и прижимаю к себе.

Спасибо за прозрение!

39

НОВАЯ ПОПЫТКА СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

Приближается Новокузнецк, в два раза больше, чем Усть-Каменогорск, с населением в семьсот тысяч человек. Благоустроенные магистрали, посты ГИБДД, огни частых поселений, а во вдыхаемом воздухе особый привкус калёного железа да запах отработанных технических масел и бензина. Теперь мы всё чаще попадаем в потоки машин и движемся не так скоро. Как же рано встают люди! Как бурно течёт здесь жизнь! Сюда переезжает немало народа из бывших республик Союза. Ульянин сын перебрался, оттого что Зырянковский рудник в упадок пришёл, а может, и ещё что подвинуло... Всякий раз возникает напряжение, когда приезжаешь сюда, будто попал на быстрину, переплывая реку. Как бы не потерять и не забыть человеку здесь самого себя!

– Вы говорили, что у вас есть сын. А кто его отец, если не секрет? – я подталкиваю Ульяну довести рассказ до конца.

– Какой там секрет! Для себя иногда человек секретнее, чем для людей, – отвечает мне рассказчица. – На сорок втором году я опять вышла

замуж. И был бы этот замуж самым ненужным, если бы не он. Братишка Ваня работал завучем в профтехучилище там же, в Зырянновске. Теперь именно он атаковал меня за то, что никак не устрою свою судьбу. Он-то знал, что такое одиночество. Почти всю жизнь прожил один. Женился только раз, но не выдержала – ушла жена от него и рожать не стала – побоялась, а была беременна. Несчастную жизнь прожила после. Смерть брата – тоже мой крест. Когда работу любимую бросил из-за здоровья – по полгода и больше лежал в гипсе уже. Прервал свою жизнь укусом. Ну вот, а мою исправил.

Ульяна вытирает глаза:

– Добрый такой... – бывало, за зиму ребятишкам пар по десять варежек и перчаток раздаст. Уважали, что свободно на двух языках говорил: по-русски и по-казахски. Частенько повторял: «Язык – лучшее изобретение для народа». А о своей учительской работе эдак: «Поступай с ребёнком по совести, чтобы, когда он станет взрослым, не стыдно было в глаза посмотреть». Молюсь за него дома – в церкви-то нельзя. Вот такая ещё у меня в душе рана.

Ульяна вздыхает. А у меня что-то переворачивается внутри.

– Да. О чём это я? О сыне же спросили! – продолжает. – Однажды Ваня познакомил меня с новым бухгалтером училища, который оказался без семьи. Он стал за мной ухаживать и склонил к браку. Людей жалеть я умела, умела быть и благодарной, и преданной. Мамка такая же была. И вот я опять решилась!

Алексей Степанович был крупный, полный, седой мужчина, вкрадчивый такой – деликатный. Инт-ллигент. Мужчин, кроме мужа, я выбирала лучше себя самой – сознаюсь. Жизнь хитрости научит.

«Нехорошо в пятьдесят лет жить одному. Я бы женился на тебе, если бы согласилась, – признался он, – уважать буду и никогда не обижу».

И снова изменила я свою одинокую жизнь. Надоело отбиваться от сплетен шутками и глотать горечь.

«Если бы знать, что ты не обманешь-то», – говорю. «Какой смысл обманывать? Я от жены изменщицы ушёл и не вернусь к ней».

Приняла я его, одинокого. Стали жить-привыкать.

Прошло около года. Откуда ни возьмись, приехала его взрослая дочь. Не буду пересказывать, что она мне сказала, что – ему. Повинился

передо мной, что есть дети, по которым скучает, уволился и уехал к жене.

Вот тебе и не обманет!

В шестьдесят девятом году у меня родился сын. Сейчас ему уже тридцать девять. Вот сколько счастливых лет прожила! Разве мало?! Мама моя права была, что женщине нужно, чтобы у неё были дети. Где сын, там и мне место. Фамилию он носит моего второго мужа – милиционера Шевченко, и отчество его – Васильевич. И это правильно и справедливо – ведь по бабушке и матери это наша фамилия, да и любил он меня. Я знаю. И я... тоже. А имя у моего сыночка – Аркадий. Получается, что жила, чтобы вырастить сына. Самостоятельный. Дом построил. Девять лет уж тут живёт.

Помолчав Ульяна продолжает:

– С дури начала и вот всё про себя вам выложила. Дурное да грешное – оно растворяется без остатка, само в себе, его и помнить никто не хочет. Так, разве к слову пришлось! Оно не главное, не думайте! Кому оно нужно? А как оно прилепляется к судьбе и почему? Не спрашивайте. Ответов нету у меня – одна жизнь, как вот эта дорога.

УТРО НОВОГО ДНЯ

70
Конец ночи. Земля погружена в тёмную синь неба. Но тонкая розовая полоска на востоке как бы приподнимает его для нового дня... Автобус въезжает на площадь двух вокзалов мерцающего огнями Новокузнецка. Останавливаемся. Двери открываются, и прохладный городской воздух вползает к нам.

Мы обогнали сутки на целый час, двигаясь на восток по Алтаю и дальше до сердца Кемеровской области. Это радует. Бессонной ночи мне не жаль. Всё, что увидено, услышано, передумано имеет какой-то высший смысл в череде житейских событий.

Покидают салон уже не такие чужие люди: пареньки с наушниками, и весь молодёжный казачий ансамбль, и милые девчушки с мамами, и беспокойный борец страшной современной войны с наркотиками, и его соседка, посетившая места сражений своего отца, и молодой батюшка, взявший на себя искупление грехов рода. Дорога открыла в каждом своё и каждому определила не последнюю роль в нашем временном сообществе.

Многие жмут друг другу руки на прощание.

Мы обнимаемся с моей щедрой собеседницей. Я благодарю за откровение и за разрешение воспользоваться её историей для литературного произведения. Договариваемся созвониться и встретиться. Последние сердечные слова адресуем усталым, но довольным рейсом шофёрам: старшему – Николаю и младшему – Коле, руки которого по-хозяйски гладят руль.

Купив билет на городской автобус, я иду на посадку. За Ульяной уже приехала сноха, энергичная и очень... вежливая...

– Ульяна Ивановна, дорогая, я вас попрошу здесь день провести, в комнате отдыха, – слышится мне, – деньги же у вас есть. Я боюсь, что вы в доме не справитесь или что-нибудь нарушите. Аркадия нет – он в командировке. Сына я увезу сейчас в школу. Покушаете в буфете на вокзале. Ну всё, мне некогда. Спешу... Ждите!

И, не выслушав старушку, села за руль красного авто.

– Идите-идите, созвонимся, – машет Ульяна мне на прощание и наклоняет низко голову. – Что ж, раз такая ситуация.

– Поедьте ко мне, – приглашаю я.

– Нет. Аркаша... Он же придет... Я буду ждать.

Ещё раз обнимаю за худенькие плечи, знаю, что уговаривать бесполезно – она, так много пережившая, будет сопротивляться, будет ждать!

Однажды, в такой же горький миг мне подумалось, что вечерняя заря – это костёр, на котором ангелы жгут зло и печаль, чтобы утром от них не осталось и следа. А утренняя заря – лучезарная улыбка Творца. Вот и теперь она сияет над землёй, будто говорит всем: начинай новый день с лёгким сердцем – всё для тебя создано, человек!

И вдруг я вижу, как та самая красная машина возвращается, открывается задняя дверца, из неё выпрыгивает мальчонка с криком: «Бабушка! Бабушка!» – бросается к Ульяне, головой припадает к её груди. И радуется душа.

